

М. П. Баскин Монтескье

Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей.

Монтескье

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Баскин Марк Петрович (1899–1964) — известный советский философ, профессор, доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии АН СССР, член КПСС с 1919 г. Окончил университет имени А. Л. Шанявского в Москве в 1919 г. Преподавал (с 1919 г.) философию в вузах Москвы, Харькова, Оренбурга. Автор большого числа научных работ, посвященных главным образом истории философии, эстетике и современной буржуазной социологии (перечень основных произведений см. в «Философской энциклопедии», т. 1. М., 1960, стр. 132). Награжден орденом Ленина и орденом «Знак Почета» за выдающиеся заслуги в деле развития науки.

Первое издание книги вышло в 1965 г.

Введение

Шарль-Луи Монтескье (1689–1755 гг.) — выдающийся французский мыслитель энциклопедического склада. В свое время Ф. Энгельс назвал главных деятелей эпохи Возрождения титанами по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Таким титаном можно считать и Монтескье, родившегося за сто лет до начала французской буржуазной революции и много сделавшего для ее идейной подготовки. Недаром на труды Монтескье ссылаются не только жирондисты, но и якобинцы во главе с Маратом и Робеспьером. «Просветительной деятельности философии, — писал Марат про Монтескье и его сторонников, — мы обязаны революцией...» (23, стр. 62)¹. Бесспорно влияние Монтескье на Гельвеция, Дидро, Гольбаха и других французских материалистов его времени, на таких социологов XVIII в., как Тюрго, Кондорсе и в особенности Барнав. Даже критикуя автора «Персидских писем» и «О духе законов», они не могли не признать его огромную прогрессивную роль.

В современной Франции к антиабсолютистским идеям Монтескье обращаются все демократические силы во главе с Французской коммунистической партией в борьбе против личной власти президента. А его антицерковные высказывания используют атеисты в своих острых спорах с неотомистами. Философский лидер последних Маритен рассматривает Монтескье и других представителей как «сынов дьявола», за грехи которых якобы до сих пор расплачивается французский народ. Скрытую полемику с Монтескье ведет в наши дни реакционный французский философ, эстетик и драматург, примыкающий к католическому экзистенциализму, Габриель Марсель. Он ненавидит Монтескье за культ разума, за здоровый оптимизм, за веру в силы и способности человека.

Полемизируя с Монтескье, новейшие буржуазные ученые не могут не признавать его огромную эрудицию в вопросах философии и социологии, всеобщей истории и юриспруденции. Что же касается его естественнонаучных исследований, то они открыто третируют его работы «О тяжести», «О морском приливе и отливе», «Об относительном движении» и др. В этих работах Монтескье не делает открытий в области физики, механики

¹ Здесь и далее первая цифра в скобках означает порядковый номер в списке литературы (в конце книги), где указаны выходные данные цитируемого произведения.

или математики, по он с очевидностью демонстрирует основательное знание естественнонаучных проблем своего времени, а главное, решительное несогласие с субъективно-идеалистической и объективно-идеалистической трактовками природы как совокупности человеческих ощущений или как продукта божественной воли. Для французского просветителя материя — реальность, существующая вне и независимо от сознания, ей свойственны внутренние закономерности, постигаемые человеком при помощи чувств и разума.

Если учесть, что Монтескье современник английского субъективного идеалиста Беркли — он был лишь на четыре года моложе последнего, — то его можно считать живым антиподом Беркли во взглядах на природу. Поэтому реакционные философы и естествоиспытатели XX столетия, поднимающие на щит берклианство, не могут согласиться с естественнонаучным мировоззрением гениального французского мыслителя XVIII в.

В целом и как философ, и как социолог, и как писатель Монтескье оставил глубокий след в истории прогрессивной мысли.

Глава первая ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОНТЕСКЬЕ

1. Предгрозовая эпоха

Монтескье жил и работал во Франции в эпоху подготовки Великой французской буржуазной революции, имевшей не только национальное, но и международное значение.

В своем классическом труде «Три источника и три составных части марксизма» В. И. Ленин указывал, что в революционной Франции «разыгралась решительная битва против всяческого средневекового хлама, против крепостничества в учреждениях и в идеях». Эта битва стиралась на огромные экономические, политические и идейные сдвиги, существенно изменившие лицо Франции еще в конце XVII — начале XVIII столетия. Происходил процесс постепенного разложения феодально-крепостнических отношений, процесс зарождения и развития внутри феодализма буржуазной экономики.

Накануне революции 1789–1794 гг. во Франции насчитывалось 24 миллиона жителей, из них к духовенству и дворянству, т. е. к двум привилегированным сословиям, принадлежало всего лишь 450 тысяч человек. В самом духовенстве 135 архиепископов и епископов были неизмеримо богаче рядовых попов, а 1100 аббатов и 678 аббатис сплошь и рядом открыто эксплуатировали монахов. Среди дворян господствующую роль играли герцоги, маркизы, графы и виконты. По данным за 1771 г., их насчитывалось только 3 тысячи. Социальные противоречия углублялись с каждым днем.

В эту эпоху во Франции уже действовали крупные мануфактурные предприятия. Одна только шелковая мануфактура Лиона имела 13 тысяч станков. Существовали солидные мануфактуры по производству жестяных и медных изделий, зеркал, кружев и других многочисленных предметов роскоши. Усиленно развивалась внутренняя и внешняя торговля. Были основаны торговые компании, при посредстве которых французская буржуазия проникала в Северную Америку, Вест-Индию, на Мадагаскар и в другие страны. Растущая экономическая мощь буржуазии вступала в противоречия с господствующей политической системой. Феодально-абсолютистская власть вмешивалась в производство и торговлю, душила свободную конкуренцию, налагала на буржуазию высокие налоги. Даже открыто покровительствовавший капиталистическим предприятиям министр Людовика XIV Кольбер ревниво следил за каждым шагом купцов и промышленников. Он приказал правительственным чиновникам строго наблюдать за купцами, которые всегда добиваются только своих частных выгод.

Недовольство буржуазии налоговой политикой королевского правительства хорошо выразил видный инженер того времени Вобан, подавший «почтительную» докладную записку Людовику XIV, в которой указывал на неправильность и неравномерность

налогообложения.

Вобан так охарактеризовал экономическое положение французского народа: одна десятая всего населения Франции — нищие; пять десятых живут в такой нужде, что не могут подать даже милостыню нищим; три десятых обременены тяжкими долгами и только одна десятая — аристократы, чиновники, финансисты и откупщики налогов — пользуется всеми благами жизни.

Дальнейший рост внутреннего рынка, без которого немислима окончательная победа капиталистической экономики, упирался в низкую покупательную способность широких масс населения. Вот как описывает один французский епископ картину тогдашней крестьянской жизни:

«Народ в деревнях наших живет в ужасной бедности, в пустых избах, без постелей и столов; у большинства в течение полугода не хватает даже ржаной муки и овса, составляющих их единственную пищу; они вынуждены отказываться от нее и отнимать ее у своих детей, чтобы заплатить налоги. Негры-рабы на наших островах счастливее их, потому что за свою работу они накормлены и одеты со своими семьями, тогда как наши крестьяне, самые работающие во всем государстве, при своем необычайно тяжелом труде не имеют пропитания...» (цит. по 16, стр. 225).

Так называемые свободные крестьяне продолжали платить оброки сеньорам, оплачивали судебные функции феодалов, вносили специальный сбор за дороги и мосты. Закон обязывал французских крестьян везти зерно на мельницы, принадлежащие сеньорам, и печь хлеб в помещичьих пекарнях, за что также взималась высокая плата. Кроме того, во Франции имелись крестьяне, арендовавшие землю у помещиков и платившие за нее натурой большую часть урожая.

Тяжелое было положение ремесленников, рабочих, городской бедноты. Они подвергались двойному гнету — со стороны молодой буржуазии и со стороны феодально-абсолютистской власти (ничтожные заработки, бессмысленная регламентация труда, тяжелые бытовые условия и т. д.).

Огромный вред наносили французской экономике многочисленные авантюристские войны, которые велись королевским правительством. Так называемая война за Австрийское наследство (1741–1748 гг.) и Семилетняя война (1756–1763 гг.) привели в конечном счете к тому, что Франция уступила Англии большую часть своих владений в Америке и Индии, потерпела огромный урон французская морская торговля. Английские товары вытесняли французские даже внутри самой Франции. Во времена Людовика XV Франция пережила острый финансовый кризис, разоривший ряд влиятельных торговых и финансовых компаний. Буржуазия открыто проявляла недовольство существующим порядком вещей. Она требовала отмены сословных привилегий, снижения налогов на промышленность и торговлю, изменения судебного дела.

В XVII и XVIII столетиях во Франции систематически происходят массовые восстания и в деревнях, и в городах. Так, в 1635 г. произошли волнения в Гиени и Лангедоке; в 1636–1637 гг. — в Гаскони, Перигоре, Пуату, Лимузене и др. Два года спустя имели место волнения «босоногих» в Нормандии. В 1664 г. в провинции Гасконь под руководством обедневшего дворянина Бернара Одижо многие месяцы происходила партизанская война крестьян против дворянства, духовенства и государственных чиновников. Глава восставших в 1670 г. крестьян Лангедока Антуан де Рур получил характерный титул «генералиссимуса угнетенного народа». В начале XVIII столетия народное движение в том же Лангедоке, известное под именем восстания камизаров (от латинского слова камиза — рубаха), продолжалось около двух лет и с трудом было подавлено королевскими войсками. Камизары сумели захватить 30 дворянских замков и разрушить 200 католических церквей.

Если крестьяне и ремесленники выступала против феодально-крепостнического режима при помощи методов непосредственной революционной расправы с привилегированными сословиями, то французская буржуазия при всей своей революционности действовала с гораздо меньшим радикализмом и нередко тяготела к

компромиссу с отживающими силами общества. Недаром Энгельс указывал, что даже то царство разума и вечной справедливости, о котором она мечтала, «было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии» (4, стр. 17). Во всяком случае французская буржуазия была неоднородна и ее наиболее зажиточная торгово-промышленная и финансовая верхушка, нередко связанная экономически с абсолютистским государством, предавала интересы революции и предпочитала умеренную оппозиционную деятельность. В предреволюционный период буржуазные идеологи, действительно враждебные феодальному строю, придавали особое значение идейной борьбе, подготовке умов к будущим революционным битвам. Так родилось французское Просвещение, оставившее столь глубокий след в истории мировой культуры. В введении к «Анти-Дюрингу» Ф. Энгельс дал яркую характеристику французских просветителей XVIII столетия. «Великие люди, — писал он, — которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову, сначала в том смысле, что человеческая голова и те положения, которые она открыла посредством своего мышления, выступили с требованием, чтобы их признали основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречившая этим положениям, была фактически перевернута сверху донизу. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все прошлое достойно лишь сожаления и презрения. Теперь впервые взошло солнце, и отныне суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека» (4, стр. 16–17).

Не было ни одной области знания, искусства, и литературы, где бы ни наблюдался подлинный творческий подъем. Организованная в 1666 г. Парижская академия наук добилась в первой половине XVIII в. известной независимости в разработке проблем естествознания. Она стремилась к освобождению науки от церковной опеки. Созданная при Академии наук обсерватория привлекла в качестве своих руководителей крупнейших итальянских астрономов — отца и сына Кассини. Академией были выпущены в свет ценные научные исследования Реомюра по теплоте и Дюфе — по электричеству. Под редакцией Делиля был издан Всемирный географический атлас.

С 1739 г. во главе Французского ботанического сада в Париже стоял великий естествоиспытатель Бюффон, издавший за период с 1749 по 1788 г. 36 томов «Естественной истории». В ней Бюффон в духе материализма рассматривал развитие животных организмов. Он дошел до признания их изменчивости под воздействием внешней среды. В книге «Теория Земли» (1749 г.) Бюффон в завуалированной форме критиковал библейские предания.

Резкий сдвиг произошел во французском изобразительном искусстве. Выдающийся живописец Ватто (1684–1721 гг.) в борьбе с дворянским и церковным искусством стал изображать на своих полотнах реальные сцены из жизни простых людей, представителей третьего сословия. Явно демократический и реалистический характер носило художественное творчество Греза (1725–1805 гг.).

Скульпторы Бушардон (1698–1762 гг.), Пигаль (1714–1785 гг.) и другие отрицают в своих произведениях манерное искусство прошлого.

В музыкальном творчестве придворная опера уступает место реалистической и демократической комической опере. Великому французскому просветителю Жан-Жаку Руссо (1712–1778 гг.) принадлежит комическая опера «Деревенский колдун» (1752 г.).

В художественной литературе поворот к реализму наблюдается в таких произведениях,

как «Хромой бес» Лесажа (1707 г.), «История кавалера де Грие и Манон Леско» аббата Прево (1731 г.) и др. В 1755 г. вождь просветителей Вольтер (1694–1778 гг.) создал знаменитую антикатолическую поэму «Орлеанская девственница». Перу Вольтера принадлежат написанные в антифеодальном духе трагедии «Брут» (1731 г.), «Заира» (1732 г.), «Магомет» (1742 г.). Через пять лет после смерти Монтескье материалист Дидро написал замечательный реалистический роман «Монахиня», критикующий католическую церковь. К 1762 г. относится нашумевший просветительский роман Руссо «Эмиль, или О воспитании».

Венцом передовой французской мысли XVIII столетия явилась просветительская философия, давшая таких гигантов, как Вольтер и Руссо, таких гениев, как материалисты и воинствующие атеисты Ламетри, Гельвеций, Дидро и Гольбах.

Просветительская философия Руссо оказала огромное влияние на якобинцев. Современники передают, что во время революции Марат на улицах и площадях Парижа читал народу извлечения из сочинений Руссо.

Едва ли не самым ярким документом XVIII столетия явилась издаваемая просветителями «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусства и ремесел», вышедшая в 28 томах (1751–1772 гг.) (11 томов были с иллюстрациями и гравюрами). В 1776–1777 гг. вышло 5 добавочных томов «Энциклопедии». Ее главными редакторами и вдохновителями были Дидро и Даламбер. В «Энциклопедии» приняли участие все лучшие умы Франции.

Труды просветителей, в том числе и «Энциклопедия», подвергались всяческому преследованиям со стороны церкви. 4 февраля 1760 г. сожгли на костре антирелигиозный трактат Гельвеция. За чтение «Разоблаченного христианства» Гольбаха одного юношу публично бичевали и приговорили к девяти годам каторжных работ. Многих просветителей заключали в Бастилию. Представители феодально-клерикальной Франции тщетно пытались уничтожить новые веяния. Таким образом, весь XVIII век прошел под знаком подъема во всех областях культуры.

2. Жизненный путь мыслителя

Шарль-Луи Монтескье родился 18 января 1689 г. в Бреде, возле Бордо, главного города департамента Жиронда, на юго-западе Франции. Его родители принадлежали к знатному феодальному роду. Отец Монтескье был глубоко убежден, что он «самим богом» поставлен во главе крестьян. Во владении Монтескье господствовали патриархальные нравы. Сохранился молитвенник с характерной надписью крестьянки, сделанной в день крещения Шарля Монтескье: «Сегодня окрестили сына нашего сеньора; восприемником его был бедный нищий приход Шарль, для того чтобы оставить ему на всю жизнь память, что бедные — братья его. Да сохранит нам всеблагий Господь этого ребенка!» (цит. по 15, стр. 34).

В уединенном средневековом замке провел будущий философ первые годы своей жизни. Мать Шарля Монтескье, фанатично религиозная женщина, умерла, когда сыну не было еще и восьми лет. Монтескье воспитывался в духе преданности католической церкви; с 1700 по 1711 г. он учился в монастырской школе в Жюльи. Однако там он познакомился не только с трудами средневековых схоластов, но и с произведениями античных авторов, пробудившими у него скептическое отношение к некоторым христианским догматам.

Несмотря на свою принадлежность к привилегированному сословию, Монтескье рано стал выказывать неудовлетворенность королевской властью. Здесь, между прочим, сказалась традиционная борьба провинциального дворянства против централизованной абсолютистской монархии. Семья Монтескье издавна находилась в оппозиции к царствующей династии. Однако Шарль Монтескье понял, что борьба с абсолютизмом должна вестись не с позиций знати, заинтересованной лишь в децентрализации государственного строя, а под знаменем более передовых слоев французского народа, т. е.

третьего сословия, по сути дела молодой французской буржуазии, игравшей в то время революционную роль. Как и большинство просветителей, Монтескье видел в буржуазии значительную сословно-правовую группу людей, занимающую чрезмерно низкое место в королевской Франции. В ряде случаев Монтескье высказывался за компромисс между дворянством и буржуазией.

Знатное положение Монтескье способствовало его быстрой административной карьере. Его дядя, богатый аристократ, занимал наследственный пост президента парламента в Бордо. Будучи единственным наследником, Монтескье в 1716 г. получил эту должность, по преимуществу связанную с судейскими функциями. Одновременно он уделял большое внимание научной деятельности и был избран в члены Бордоской академии. Как академик, Монтескье усиленно занимается физико-математическими науками. Он составляет план исследования по геологии.

В 1726 г. Монтескье покидает должность президента парламента и целиком отдается научной и литературной работе, причем его интерес к естествознанию несколько падает, его больше начинают занимать философия, социология, юридические науки, искусство и литература. Ряд лет Монтескье посвящает путешествиям по странам Западной Европы. Во время путешествия по Италии он знакомится не только с памятниками искусства, но и с финансовым законодательством. В Риме он ведет беседы на различные темы с «самим» папой Бенедиктом XII.

С 1728 по 1731 г. Монтескье живет в Англии и приходит в восторг от ее конституции. По возвращении на родину Монтескье то уединяется в своем родовом замке и обобщает результаты своих заграничных впечатлений, то посещает Париж, где непосредственно общается с выдающимися деятелями своей родины.

10 февраля 1755 г. Монтескье в Париже окончил свой жизненный путь. Написанные им труды навсегда вошли в сокровищницу прогрессивной культуры. Назовем главные из них: «Персидские письма» (1721 г.) (см. 10), «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734 г.) (см. 11) и «О духе законов» (1748 г.) (см. 12).

«Персидские письма» — замечательная сатира, написанная образно, занимательно, остроумно, — подлинный художественный шедевр. Они как бы рассчитаны на то, чтобы читатель сам смог сделать из них теоретические и практические обобщения. В «Персидских письмах» Монтескье выступает от лица перса, путешествующего по Европе и критикующего французскую жизнь с позиции человека, который привык жить в условиях восточной деспотии, но который видит во Франции еще более деспотические порядки.

«Персидские письма» читали в буржуазноаристократических салонах, в книжных лавках, даже на улицах Парижа. Для представителей третьего сословия эта книга явилась замечательным идейным оружием в борьбе за новый порядок, против феодальных нравов и традиций, против монархии и короля, хотя сам Монтескье старался выглядеть в своем сочинении не революционным борцом, а умеренным реформатором.

Департамент Жиронда, в котором Монтескье провел первые годы своей жизни, был в период средневековья одним из центров народных волнений, в частности восстаний 1548 и 1650 гг., сыгравших большую роль во французской истории. Воспоминания о них сохранились у простых людей Жиронды и в XVIII в. Вот почему в «Персидских письмах» находили отклик, хотя и не получили развития, революционные традиции родины Монтескье. Иногда автор попросту стремится перехитрить цензуру. Он выдает себя за простака, стоящего «вне политики», и это ему неплохо удается. Передают, что от «Персидских писем» были в восторге некоторые представители придворных кругов, а также не кто иной, как кардинал Дюбуа. Были и такие сторонники королевского режима, которые понимали, что в лице автора «Персидских писем» они имеют своего противника, но они полагали, что Монтескье — аристократ и его идеи никогда не дойдут до масс. На самом деле Монтескье своим трудом немало содействовал идейному краху французского абсолютизма. Далекий по положению от народа, преисполненный классовыми и сословными предрассудками, близкий по своим политическим взглядам к верхушечным слоям

дореволюционной буржуазии, он нередко искренне сочувствовал народным массам.

В «Персидских письмах» Монтескье беспощадно критикует абсолютистскую Францию прежде всего за то, что в ней плохо живется крестьянам и ремесленникам, а за их счет благоденствуют господствующие классы. «Париж, может быть, самый чувственный город на свете, — заявляет Монтескье, — где больше всего утончают удовольствия, но в то же время в нем, может быть, живется тяжело. Чтобы один человек жил наслаждаясь, нужно, чтобы сотня других работала без отдыха» (13, стр. 225–226).

Эти мысли Монтескье перекликались с лозунгами плебейских движений XVII в., однако сам Монтескье не делал непосредственных революционных выводов из своей критики феодализма. Он был далек, как и другие французские буржуазные просветители, от признания решающей роли народных масс в истории. Монтескье видел спасение для Франции в конституционной монархии по английскому образцу. Однако историческая ограниченность взглядов Монтескье не помешала ему стать одним из ранних идейных борцов за буржуазно-демократическую Францию.

«Какая глубина мысли... — писал Марат по поводу одной из глав „Персидских писем“. — В ней как бы мимоходом Монтескье устанавливает те великие начала, на которых должно быть построено непрочное благоденствие этого мира. Истины, им высказанные, не сознаются невеждами и забыты современными философами».

Большое прогрессивное значение имела философско-историческая работа Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян». В ней автор пытался доказать на примере римской истории, что только там, где граждане свободны и независимы, где господствуют республиканские нравы, общество в состоянии успешно развиваться. В странах, где граждане отказываются от свободомыслия и становятся на путь рабства, государство теряет свое величие и в конечном счете терпит поражение от внутренних и внешних врагов. Из книги Монтескье о Риме следовал прямой политический вывод: если французский народ преисполнен любви к своей отчизне, он должен навсегда покончить с королевским деспотизмом и феодально-сословными отношениями. Хотя таких выводов Монтескье прямо и не делал, но именно так рассуждали революционно настроенные читатели его труда. Книга Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян» явилась одним из идейных источников французской буржуазной революции.

Венцом всей научной и литературной деятельности Монтескье было произведение «О духе законов», над которым он работал 20 лет. В нем он полностью изложил свои философские, социологические, правовые, экономические и исторические взгляды. В этом произведении Монтескье в духе раннего буржуазного просветительства критикует феодально-религиозный подход к обществу и его закономерностям, разоблачает феодально-сословную монархию, выступает против реакционных династических войн (ценный фактический материал об этом содержится в книгах P. Hasard (см. 32) и L. Vian (см. 34).

Во всеоружии научных знаний боролся Монтескье со старым порядком. Уступая своему великому соотечественнику Вольтеру в блеске и остроумии и отличаясь от него большей умеренностью и склонностью к компромиссам, Монтескье не уступал Вольтеру в основательности своих знаний и убедительной стройности и логичности доводов, направленных против старого феодально-абсолютистского порядка. В этом смысле Монтескье можно считать вместе с Вольтером одним из главных представителей французского Просвещения.

Труд «О духе законов» представляет собой своеобразную энциклопедию, весьма сложную по своей структуре. На первый взгляд может даже показаться, что автор весьма хаотично переходит от одного предмета к другому, от одних событий к другим; иногда совершенно неожиданно для читателя он возвращается к проблемам, которые уже были рассмотрены в предыдущих главах. Эта своеобразная манера изложения несколько затрудняет чтение и лишает возможности излагать его мысли, строго следуя за текстом произведения. Однако некоторая разбросанность материала отнюдь не свидетельствует о

неумении автора строго, последовательно излагать свои взгляды. Здесь причина другая. В свое время К. Маркс, отдавая должное английским материалистам XVII в. Бэкону и Гоббсу, как выдающимся прогрессивным мыслителям, назвал Гоббса *систематиком* бэконовского материализма. Бэкон, не стремясь дать систему знаний, думал прежде всего о том, чтобы выработать правильный *метод* познания; и действительно, основная заслуга Бэкона — в разработке метода материалистической индукции. Точно так же и Монтескье в первую очередь стремился дать *метод* подхода к социальным явлениям. В этом смысле он как тип исследователя ближе к Бэкону, нежели к Гоббсу. Но это не исключает наличия в книге французского мыслителя по-своему целостного свода сведений об обществе и его закономерностях. В предисловии к этой книге Монтескье пишет: «Я много раз начинал и оставлял этот труд, тысячу раз бросал я на ветер уже исписанные мной листы и каждый день чувствовал, что мои *руки* опускаются от бессилия. Исследуя свой предмет без всякого предварительного плана, я не знал ни правил, ни исключений, и если находил истину, то для того только, чтобы тут же утратить ее; но когда я открыл мои общие начала, то все, чего я искал, предстало предо мной, и на протяжении двадцати лет я видел, как труд мой возник, рос, развивался и завершился» (14, стр. 161).

Под «общими началами» Монтескье понимал некоторые закономерности, проливающие свет на частные, конкретные факты. Этим он хотел преодолеть узкий эмпиризм, с одной стороны, и априорный, оторванный от жизни подход к явлениям — с другой. Отсюда основной методологической посылкой автора является положение: «Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей» (14, стр. 159).

Многие из античных, средневековых и более поздних социологов выводили общественные законы и классифицировали их, исходя из того или иного абстрактнологического постулата, а не из «самой природы вещей», т. е. не из реального исторического процесса.

Результатом таких исследований сплошь и рядом были абстрактные схемы, внешне вполне логичные, но на самом деле существовавшие лишь в голове их создателей. Монтескье же пытался осмыслить и классифицировать объективные законы, опираясь на тщательно изученные факты.

Переходя от объективных законов истории к исследованию законов, создаваемых людьми, Монтескье считал, что они должны соответствовать характеру политического строя, физическим свойствам страны (климату, почве, размерам территории), особенностям народа (численности, его обычаям, занятиям, религии и т. д.), а также и некоторым другим конкретным обстоятельствам. Таким образом, французский просветитель анализирует законы общества в соответствии с целым рядом предметов, проблем, условий. Именно поэтому Монтескье отмечает, что его интересуют *отношения законов к различным предметам*; при определении последовательности изучаемого материала он «должен был сообразоваться не столько с естественным порядком законов, сколько с естественным порядком этих отношений и предметов» (14, стр. 168).

При всей сложности и дробности структуры произведения «О духе законов» (оно состоит из 31 книги, причем многие книги содержат по 15–20 и более глав) нетрудно убедиться, что она соответствует этой установке автора, а именно: первая книга посвящена *законам вообще*; во второй — восьмой книгах законы рассматриваются в отношении к *принципам правления*; девятая и десятая книги трактуют законы в отношении к *силе государств* (оборонительной и наступательной), а одиннадцатая — тринадцатая книги — в связи с проблемой *свободы*; четырнадцатая — восемнадцатая книги характеризуют законы в отношении к *физическим свойствам страны*, а девятнадцатая — двадцать пятая книги — к *свойствам народа*; в двадцать шестой книге уточняются *границы действия* каждого разряда законов, а заключительные, двадцать седьмая — тридцать первая, книги показывают *возникновение* законов в связи с конкретными обстоятельствами.

Попытка Монтескье понять соотношение между объективными закономерностями

природы и общества и законами, создаваемыми людьми, особый интерес к материальным условиям жизни общества имеют глубоко прогрессивный характер. Разумеется, при этом Монтескье оставался идеалистом в понимании общества и, как истинный сын Просвещения, полагал, что «человеческий разум... управляет всеми народами земли» (14, стр. 168).

В своем труде Монтескье останавливается на таких решающих философских вопросах, как отношение бытия к мышлению, о причинной связи явлений и др. Он стремится показать, что все явления природы и общества между собой связаны, причем эта связь вопреки утверждениям теологов носит естественный характер. Особые разделы посвящены происхождению государства, характеристике различных форм государственного устройства. В отличие от многих философов своего времени Монтескье был в курсе экономических вопросов; он пишет о внутренней и международной торговле, о деньгах, налогах, земледелии и ремесле.

Четвертая книга «О духе законов» трактует проблемы воспитания. При этом Монтескье рассуждает не о воспитании вообще, а рассматривает систему воспитания в зависимости от общественного устройства. «О духе законов» — одновременно трактат по вопросам малярии. Никто из современников Монтескье не ставил так глубоко и научно проблему семьи.

А сколько в этом труде исторических сведений! Монтескье показал себя блестящим знатоком древнего общества, средневековья, основных этапов русской истории.

Своим исследованием «О духе законов» Монтескье внес неоценимый вклад в просветительскую философию XVIII в.

Глава вторая ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МОНТЕСКЬЕ

1. Отношение к философии прошлого и философским современникам

Монтескье был одним из самых образованных людей своего времени. Еще в юношеские школьные годы Монтескье живо интересовался античной философией и литературой. Он прочитал в подлиннике не только главные труды классиков древнегреческой мысли, но и обширную литературу о них. Монтескье подходил критически, как просветитель, к Платону и Аристотелю. Его искренне возмущал воинствующий идеализм Платона. Утопические идеи Платона, в частности его мечты об идеальном государственном устройстве, Монтескье рассматривает как фантастическое отображение реальных условий жизни. В работе «Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства» французский просветитель высмеивает идеалистические аргументы Платона в его диалогах, посвященных Сократу.

«...Диалоги, в которых Платон заставляет рассуждать Сократа, — пишет он, — диалоги, так восхищавшие древних, в наши дни не выдерживают критики, ибо они основаны на ложной философии. Все эти рассуждения о хорошем, прекрасном, совершенном, мудром, безумном, твердом, мягком, сухом, влажном как о положительных понятиях лишены теперь всякого содержания» (14, стр. 737).

В Аристотеле Монтескье прежде всего видел не последователя Платона, а его критика. Как социолог по преимуществу, Монтескье особое внимание уделял «Политике» Аристотеля. В противовес средневековой традиции он рассматривал Аристотеля как светского мыслителя, весьма далекого от теологии. Он и Аристотеля критикует с позиций буржуазного просветительства; в частности, исходя из тезиса о равенстве людей от рождения, Монтескье доказывал несостоятельность главного положения аристотелевской «Политики», якобы сама природа сделала одних рабами, а других свободными. В книге «О духе законов» Монтескье прямо заявлял, что Аристотель, провозглашая естественность рабства, не в состоянии привести ни одного сколько-нибудь убедительного довода. Апеллируя к Плутарху, Монтескье ссылается на сообщенные им факты, когда в обществе не

существовало ни рабовладельцев, ни рабов, хотя в нем действовали такие же законы природы, как в рабовладельческий период.

Из римских философов большим вниманием пользуется у Монтескье Цицерон; не одобряя эклектическое мировоззрение последнего, его стремление видеть в человеке подобие божества, Монтескье ценит в нем историка, летописца Древнего Рима, юриста, активного политического деятеля, мыслителя, интересующегося реальными процессами действительности.

Монтескье подвергает критике труды христианских писателей, сомневается в «святости» отца церкви Августина, а римских пап рассматривает лишь как политических деятелей. Он высоко ценит мыслителей Возрождения, гуманистов, утопических социалистов типа Томаса Мора.

Хорошо зная труды итальянского мыслителя Макиавелли, Монтескье ценил его за критику церкви, за попытку разобраться в объективных законах истории, но принципиально возражал против макиавеллизма, т. е. против беспринципности и вероломства в политике как средства поддержания княжеского и королевского деспотизма. «Макиавелли преклонялся перед своим идолом — герцогом де Валентинуа», — с негодованием восклицает Монтескье (14, стр. 655).

Не меньший интерес проявлял Монтескье к материалистической философии Гоббса. Обращая главное внимание на учение Гоббса о естественном состоянии людей и о происхождении государства, он был решительным противником положения Гоббса о «борьбе всех против всех», как якобы характерной черте естественного состояния людей. Будучи слабее Гоббса в общефилософских вопросах, Монтескье превосходил его в постановке и разрешении ряда социологических проблем.

Само собой понятно, что французского просветителя особо интересовали труды прогрессивных философов его родины. На него оказал большое влияние насыщенный фактическим материалом труд Жана Бодена (1530–1596 гг.) «Шесть книг о государстве», трактующий юридические проблемы. Боден — сторонник религиозной терпимости, частной собственности, компромисса между буржуазными и аристократическими элементами, один из предшественников географической теории Монтескье.

Существует глубокая идейная связь между Монтескье и знаменитым французским философом Пьером Бейлем (1647–1706 гг.). Монтескье тщательно изучал его работы, в особенности «Исторический и критический словарь», проникнутый ненавистью к средневековой схоластике, скептицизмом к догматам католической церкви. Монтескье присоединяется к требованию Бейля об установлении свободы совести. Отмежевываясь от Бейля как «поносителя» всех религий, в том числе и христианской, Монтескье в то же время признает в нем «великого человека», достойного глубокого уважения.

С огромным интересом и вниманием относился Монтескье к своим современникам-материалистам. Он жил и работал одновременно с Ламетри, знаменитые материалистические трактаты которого «Человек-машина» (1747 г.) и «Система Эпикура» (1750 г.) были значительно радикальнее сочинений Монтескье. В них пропагандировались атеистические взгляды, с которыми не соглашался автор «О духе законов». Однако Монтескье не мог не сочувствовать борьбе Ламетри против обскурантизма господствующих классов. Когда 9 июля 1746 г. работы Ламетри были приговорены к сожжению на костре, Монтескье воспринял этот варварский акт как прямой поход и против своих собственных просветительских идей. Несмотря на расхождения с материалистом Гельвецием, Монтескье явно симпатизировал этому гениальному критику феодальной культуры. Его сближал с Гельвецием особый интерес к социологическим проблемам².

Прекрасно знал Монтескье научные и философские труды таких деятелей французской

² Проблема взаимоотношений Гельвеция и Монтескье хорошо раскрыта в книге Х. Н. Момджяна «Философия Гельвеция». М., 1955.

«Энциклопедии», как Даламбер и Дидро. Взгляды Даламбера, высказанные во вступительной статье к «Энциклопедии» («Очерк происхождения и развития наук»), во многом совпадали с философскими взглядами Монтескье. Даламбер, как и Монтескье, не будучи атеистом, отрицал теологические догматы. Монтескье не был материалистом, но участвовал в «Энциклопедии», руководимой материалистом Дидро, что наглядно свидетельствует об их солидарности, о принадлежности их к одному лагерю просветителей. Общи для Монтескье и Дидро стремления пропагандировать свои просветительские идеи в художественно-образной форме. Не случаен интерес обоих французских мыслителей к России и русской истории. Им казалось, что русские монархи, приобщившись к просветительским идеям, смогут плодотворно использовать свою неограниченную власть в интересах подлинного прогресса и произвести революцию «сверху». Роднит Монтескье с Дидро исключительно широкий историко-философский кругозор, способность критически осваивать прогрессивные достижения философской мысли всех времен и народов.

2. Деизм и критика религии

Мировоззрение французских просветителей XVIII столетия формировалось и развивалось в борьбе с феодальной церковью. Даже Вольтер, принадлежавший к умеренному крылу просветителей, склонный к компромиссам, не боялся именовать католическую церковь «гадиной», которую следует «раздавить». Более радикальные представители просветительства выступали в качестве не только антиклерикалов, но и борцов против религии, как таковой. Атеизм французских просветителей XVIII в. не утратил своего значения и в XX в. Еще в 1905 г. в статье «Социализм и религия» В. И. Ленин писал: «Нам придется теперь, вероятно, последовать совету, который дал однажды Энгельс немецким социалистам: перевод и массовое распространение французской просветительной и атеистической литературы XVIII века» (7, стр. 145). В марте 1922 г., т. е. спустя почти пять лет после победы Октябрьской социалистической революции, Ленин снова вернулся к этому вопросу и, отметив, что в атеистических произведениях революционеров XVIII в., конечно, много ненаучного и наивного, в то же время настаивал на их массовом распространении в народе (см. 9, стр. 26).

Монтескье не поднялся до прямого отрицания религии. Он был одним из ранних представителей французского деизма, учения, которое хотя и признавало бога в качестве творца вселенной, но вместе с тем утверждало, что бог не вмешивается в дела природы. Деисты выступали в защиту просвещения, отвергали церковную веру в чудеса. На позициях деизма стояли такие выдающиеся представители французского Просвещения, как Вольтер и Руссо.

«Деизм, — писал Маркс, — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии» (2, стр. 144).

В 1761 г. на средства Вольтера в его имении была построена церковь с надписью на фасаде: «Богу воздвиг Вольтер». За этот поступок вождь просветителей даже получил подарок от римского папы. На самом деле Вольтер воздвиг храм не для восхваления официальной религии, а для ее критики. Он хотел подчеркнуть, что не признает ни католических святых, ни религиозной догматики, что для него, как и для других деистов, бог в лучшем случае «первотолчок». В письме к Ричарду Твиссу Вольтер писал: «Церковь, которую я построил, — это единственная церковь в мире, посвященная богу, и только ему одному; все остальные посвящены святым. Что касается меня, то я предпочитаю воздвигнуть храм хозяину, а не слугам» (цит. то 21, стр. 461).

С позиций деизма Монтескье, как и Вольтер, боролся против схоластики; деизм был для него орудием пропаганды свободомыслия и передовых научных знаний. Объявляя в самом начале своего труда «О духе законов» бога творцом и охранителем природы, он вместе с тем решительно подчеркивает, что божество само действует по «неизбежным» законам, которые «неизменны» и не зависят от произвола. Эта формулировка Монтескье

почти полностью совпадает с заявлением голландского философа-материалиста Спинозы (1632–1677 гг.) в предисловии к четвертой части его «Этики»: «...то вечное и бесконечное существо, которое мы называем богом или природой, действует по той же необходимости, по которой существует...» (29, стр. 522).

Монтескье категорически выступает против признаваемого теологами понятия «чуда»; он утверждает, что бог не в состоянии, даже при желании, нарушить естественный ход вещей, управлять миром помимо законов, ему присущих. Монтескье приходит к выводу, что природа, будучи созданием бога, уже не может быть уничтожена его усилиями, — существование мира будет бесконечным. Монтескье критикует не только теологов, видящих в материальных предметах проявление божественного разума, но и пантеистов, отождествляющих бога с природой и рассматривающих природу как воплощение божества. Монтескье со всей категоричностью заявляет, что мир лишен разума, и в этой связи осуждает теологию Фомы Аквинского, видевшего в каждом предмете и явлении материальной действительности результат целенаправленной деятельности божества.

Деизм Монтескье, так же как и деизм Вольтера и Руссо, свидетельствовал об ограниченности философского мировоззрения этой группы просветителей по сравнению с атеистическим мировоззрением наиболее радикальных представителей французского материализма.

Однако, не отрицая существования бога, Монтескье немало сделал для критики религии, и в особенности для критики католицизма. Здесь главная заслуга Монтескье в том, что он не ограничивается антиклерикальной пропагандой, т. е. критикой духовенства и церковной организации, но пытается критиковать религиозное — мировоззрение по существу. Монтескье доказывает, что вопросы религии не имеют никакого отношения к науке. Только разум, наука могут помочь человеку познать объективный материальный мир, содействовать улучшению жизни человека. Отсюда он делает вывод, что наука не должна быть служанкой религии.

Законы, открытые наукой, апеллируют к уму, поэтому они должны быть логически обоснованы и носить принудительный характер. Иное дело законы религии: в бога и догматы церкви можно только верить. Религия обращается не к уму, а к сердцу, ее задача заключается поэтому только в увещаниях и советах. Монтескье делает вывод о недопустимости какого бы то ни было принуждения в религиозных вопросах.

Монтескье принимает религию лишь как средство государственного управления. Он, так же как и Вольтер, считает, что если бога нет, то его нужно выдумать, ибо вера в бога содействует установлению порядка, основанного на увековечении частной собственности.

С точки зрения Монтескье, для религии важно, чтобы она умеряла и смягчала деспотизм, улучшала нравы подданных и их правителей. Монтескье приходит к еретической по тому времени мысли: каждая религия приспособлена к определенным природным и общественным условиям, и не следует поэтому насильственно вмешиваться в верования людей. Если учесть, что этот призыв к равноправию всех религий был брошен в стране, где безраздельно господствовала католическая церковь, где фактически продолжала действовать инквизиция, насильственно подавлявшая всех инаковерующих, не говоря уже об атеистах, то станет понятна прогрессивная роль высказываний Монтескье о религии.

Так, в «Персидских письмах» Монтескье утверждает, что магометанство — наиболее подходящая религия для восточных стран, католицизм же — для Франции и некоторых других западноевропейских государств.

Монтескье смело выступает против церковных догматов, заявляя, что самые «истинные» и священные догматы в конечном счете приводят к весьма дурным последствиям. Так, вера в бессмертие души приносит обществу большой вред, ибо она отвлекает людей от гражданских обязанностей. Люди, думающие о жизни души на «том свете», мало заботятся о своей земной жизни, не думают об улучшении общественного строя.

В XII главе двадцать четвертой книги «О духе законов» Монтескье, исходя из

интересов общества, требует, чтобы христианское покаяние сопровождалось идеей труда, а не праздности. Он приходит к глубокому выводу, что христианство, провозглашая примат потустороннего над земным, игнорирует трудовую деятельность, имеющую первостепенное значение в чисто земных отношениях. В главе «О праздниках» той же книги Монтескье смело протестует против чрезмерного обилия церковных праздников, характерных для католической и других религий. Когда религия предписывает прекращение работы, заявляет французский просветитель, она должна иметь в виду потребности людей, а не величие чтимого ею существа. Ссылаясь на историю, Монтескье утверждает, что слишком большое число религиозных праздников препятствовало древнему афинскому народу надлежащим образом вести свои политические дела. Даже празднование воскресного дня в христианских странах не должно, по утверждению Монтескье, мешать интенсивности земледельческого труда.

В XIV главе двадцать четвертой книги «О духе законов» Монтескье высказывает скептическое отношение к теологическому учению об аде и рае. Его интересует здесь лишь политическая сторона вопроса: вера в наказание на том свете служит, по мнению Монтескье, сдерживающим стимулом для преступных элементов. Поэтому там, где религия признает рай и ад, можно смягчить уголовное законодательство. Иное дело в странах, где господствующая религия не обещает праведникам райской жизни на том свете, а грешникам и преступникам — адских мук. В этом случае, по мнению Монтескье, нельзя обойтись без строжайших деспотических законов, обуздывающих человеческие страсти.

В этой же главе под видом критики магометанской религии Монтескье критикует учение Августина о предопределении, согласно которому бог заранее решил, кому суждено быть праведником, а кому грешником. Монтескье делает глубокое замечание, что теория предопределения является продуктом «душевной лени» и ведет к бездеятельности людей.

В главе «О переселении душ» французский просветитель сравнивает христианский догмат бессмертия души с догматом «системы индусов» о переселении душ. По существу Монтескье с полным безразличием относится к обоим. Ни один из них не выдерживает критики перед судом разума. На вопрос же, какой полезнее для государства, он отдает некоторое предпочтение индусскому, так как он приучает людей относиться с известным ужасом к пролитию крови, «вследствие чего убийства в Индии очень редки» (14, стр. 542).

В отличие от французских материалистов, отмечавших несовместимость религии и истинной морали, Монтескье признает нравственное значение религии в развитии общества. Но не всякая религия ведет к нравственности; религиозные догмы, по утверждению французского просветителя, могут даже поощрять пороки, например разврат.

Монтескье уделяет большое внимание происхождению религии. Как и все буржуазные просветители, он утверждал, что религия возникает в конечном счете под влиянием деятельности законодателей и непосредственно зависит от того или иного политического устройства. Католическая религия, уверял Монтескье, больше всего согласуется с монархическим образом правления, а протестантская — с республиканским. Что касается мусульманства, то он видел в нем прямое следствие деспотии. Отсюда Монтескье делал вывод: церковь не имеет права претендовать на светскую власть. Все религии допустимы, если они не противоречат государственным законам, не мешают гражданам выполнять свой общественный долг. Каждый человек вправе верить в бога на свой манер, вправе отрицать любые религиозные догмы, и государственная власть не должна наказывать людей за их мировоззрение. Монтескье выступает в этом вопросе как идейный предшественник французской буржуазной революции, как просветитель, требующий свободы совести. В книге двадцать пятой в главе «О веротерпимости» и других Монтескье разъясняет, что он приходит к требованию свободы совести не в качестве богослова, а в качестве политика. Не желая окончательно порывать с католицизмом, он готов даже признать принципиальный приоритет за последним. Но вместе с тем Монтескье остается верен положению, что, даже если католическая религия — «истинная религия», ее не следует утверждать огнем и мечом. Насильственное обращение в ту или иную веру и угрозы в конечном счете приносят только

вред и никого ни в чем не убеждают. В «Персидских письмах» он пишет, что в результате преследований, которым фанатичные персидские магометане подвергали огнепоклонников, люди стали массами оставлять Персию и страна лишилась трудолюбивейших земледельцев. Религиозный фанатизм нанес, таким образом, огромный ущерб стране. Монтескье сообщает, что некоторые из министров персидского шаха хотели заставить всех персидских армян или принять магометанство, или покинуть Персию. Если бы это варварское требование было утверждено законом, то, по мнению автора «Персидских писем», настал бы конец персидского величия.

Огромный ущерб нанес людям и католический фанатизм. Он привел к изгнанию из ряда католических стран наиболее предприимчивых и трудоспособных граждан. Монтескье намекает, что сила ряда лютеранских стран заключалась в том, что они давали приют изгнанникам, спасающимся от инквизиции. Именно в этом смысле он говорит о духе независимости и свободы в этих странах.

В двадцать пятой книге «О духе законов» Монтескье гневно протестует против сожжения инквизиторами в Лиссабоне восемнадцатилетней девушки за неверие в Христа. Вы живете в такой век, обращается Монтескье к инквизиторам, когда свет просвещения и передовой философии озарил умы людей. Придерживаясь старых отвратительных предрассудков, вы доказываете свое варварство, свою невосприимчивость к просвещению и к морали. Когда инквизиция стремится навязать людям христианскую веру при помощи казней, она свидетельствует лишь о своем бессилии. Деятельность инквизиции, мужественно указывал Монтескье, покрывает позором Европу.

Просветитель решительно выступил против вмешательства церкви в вопросы семьи и брака. С одной стороны, христианство освящает брак, с другой — провозглашает безбрачие высшей добродетелью и поднимает на щит мнимых праведников в лице католических священников и монахов. В результате растет число несчастных браков, освященных церковью, уменьшается деторождение, образуется целая каста людей, строящих карьеру на безбрачии.

«Я нахожу, что их ученые, — пишет Монтескье от лица мусульманина, высказывающегося о христианах, — впадают в явное противоречие, говоря, что брак свят, а противоположаемое ему безбрачие еще святее, не говоря уже о том, что в деле предписаний и догматов хорошее всегда бывает наилучшим.

Удивительно число этих людей, делающих себе из безбрачия профессию...

Этот промысел безбрачия уничтожил больше людей, чем мировые язвы и самые кровавые войны» (13, стр. 249–250).

Монтескье утверждает, что протестантизм, отрицающий безбрачие духовенства, имеет бесконечные преимущества перед католицизмом. Монтескье не выступает подобно Вольтеру с лозунгом «Раздавите гадину!» по отношению к господствовавшей во Франции католической церкви, однако не менее основательно аргументирует историческую неизбежность краха Ватикана. Как истинный просветитель он критикует все виды религиозных суеверий; Монтескье отнюдь не в восторге и от протестантской религии. Он признает, что протестанты успешно ведут торговлю, развивают ремесло, но их догматика находится в не меньшем противоречии с интересами науки и просвещения, чем католическая.

Оставляя религию «для души», «для нравственности», Монтескье противопоставляет ей науку, видя в последней мощное средство для правильного познания мира. Подобно Гоббсу Монтескье провозглашает предметом истинной науки материю, движущуюся по законам механики. Иногда он рассматривает движение как изменение, но с оговоркой, что изменение всегда происходит постепенно, без скачков, в пределах раз и навсегда данного качества. «Мир... отнюдь не неизменен, — пишет Монтескье. — Даже небеса: астрономы собственными глазами убеждаются в происходящих в них изменениях, являющихся вполне естественными результатами всеобщего движения материи.

Земля, как и прочие планеты, подчинена законам движения...

Природа действует всегда медленно и, если можно так выразиться, бережно: ее действия никогда не бывают насильственными. Даже в своих продуктах она требует умеренности; поступает всегда по правилам и соразмерно; если ее понуждают, она скоро истощается и всю оставшуюся силу употребляет на то, чтобы сохранить себя, совершенно теряя при этом свою продуктивную способность и творческую мощь» (13, стр. 239, 243).

Монтескье решительно возражает против отнесения теологии к наукам. Ученый хорошо разбирается в предмете, о котором рассуждает. Теолог же, рассуждающий о боге, ничего о нем не знает и занимается не чем иным, как приписыванием божеству своих собственных человеческих черт.

«Самые рассудительные из философов, размышлявших о природе бога, — пишет Монтескье, — говорили, что он — существо всесовершенное, но чрезвычайно злоупотребляли этим понятием. Они перечислили все различные совершенства, которые человек способен иметь и представлять себе, и наделили ими понятие о божестве, не думая о том, что часто эти свойства друг друга исключают и не могут быть присущими одному и тому же субъекту, не уничтожая взаимно друг друга» (13, стр. 154–155).

Отсюда следует прямой вывод, что наука не может и не должна заниматься ничем «сверхъестественным».

Но если наука — всегда наука о реальной действительности, то что же остается от схоластики, претендующей на научное познание бога? По-видимому, ничего. К этому заключению пришли такие просветители-атеисты, как Гольбах и Гельвеций. Монтескье более осторожен. Он полагает, что бессилие теологии как науки не исключает веры в бога. В книге «О духе законов» Монтескье, следуя традиционной схоластической философии, говорит, что бог постоянно напоминает людям о себе в заветах религии. Однако, к чести автора, он не считает нужным аргументировать эту мысль и фактически сам опровергает ее, устанавливая зависимость религиозных догм от географической среды и политического строя. В конечном счете Монтескье к вере относится скептически. Даже такие крупнейшие просветители, как Руссо и Вольтер, сочетали критику религии и схоластики с реакционными проектами создания новых, рафинированных форм религии — религии разума (Вольтер) и религии чувства (Руссо). В этом отношении Монтескье даже имел известное преимущество: он гораздо меньше, чем Вольтер и Руссо, уделял внимания проблеме «истинной религии». Монтескье прежде всего стремился доказать ложный характер двух главных религий его эпохи: христианства (с католицизмом во главе) и мусульманства, причем в критике религии Монтескье главный упор делал не на борьбе с попами, а на критике теологии, как таковой.

3. Природа и ее законы

Итак, французские деисты превращали бога в конституцию иного монарха, который царствует, но не управляет, стоит во главе вселенной, но не вмешивается в ее дела, причем не вмешивается не потому, что не желает вмешиваться, а потому, что не может. Этим самым деисты в конечном счете признавали объективное и независимое существование материи. Для Монтескье проблема материи значительно важнее проблемы бога.

Монтескье оспаривает Платона как объективного идеалиста за предвзятый, неверный, от «мира идей» подход к вселенной. «Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей», — восклицает Монтескье в предисловии к своему труду «О духе законов».

В свое время знаменитый римский философ Лукреций Кар (99–55 гг. до н. э.). в борьбе с идеализмом написал философскую поэму «О природе вещей». Заявляя о необходимости исходить не из произвольных домыслов, а «из самой природы вещей», французский просветитель тем самым фактически солидаризируется с Лукрецием, сторонником материалистической линии Демокрита — Эпикура. Правда, как деист, Монтескье не отказываемся от бога «создателя и охранителя», однако заявляет, что материальный мир существует непрерывно, представляет собой движущуюся материю и «лишен разума». В

человеке философ видит прежде всего физическое существо, часть природы, «существо ограниченное», смертное, а отнюдь не подобие бога. Отличие человека от животных он видит прежде всего в том, что человек живет в обществе и лучше мыслит и чувствует. Монтескье явно не согласен с библейскими сказками о том, что животные специально созданы для человека. Средневековый схоласт Фома Аквинский всерьез уверял, что предназначение ослов помогать людям передвигаться с одного места на другое, а предназначение коров и коз снабжать человека мясом и молоком. Мы должны благодарить бога за заботу о людях, с умилением восклицал Фома, за то, что он приспособил животных к организму человека и дал последнему высокие преимущества. Не называя имени Фомы, но явно полемизируя с ним, Монтескье писал:

«Животные лишены тех высоких преимуществ, которыми мы обладаем, но зато у них есть такие, которых нет у нас. У них нет наших надежд, но нет и наших страхов; они подобно нам умирают, но не сознают этого; большая часть их даже охраняет себя лучше, чем мы себя, и не так злоупотребляет своими страстями, как мы» (14, стр. 165).

И люди, и животные, рассуждает Монтескье, подчиняются законам, которые не ими созданы, т. е. объективным законам. В качестве единичных разумных существ люди создают в обществе искусственные законы. Однако законы вселенной— законы особого рода. Их никто не в состоянии изменить по своему произволу. Законы природы — это правила, выражающие отношения между различными движущимися телами. Законы природы выражают постоянство в изменениях.

Деист Монтескье бесстрашно заявляет, что даже господь бог подчиняется законам природы и не в состоянии от них отказаться или вступать с ними в конфликт.

«Непрерывное существование мира, — пишет он, — образованного движением материи и лишённого разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам и, какой бы иной мир мы себе ни вообразили вместо существующего, он все равно должен был бы или подчиниться неизменным правилам, или разрушиться. Таким образом, дело творения, кажущееся актом произвола, предполагает ряд правил, столь же неизбежных, как рок атеистов. Было бы нелепо думать, что творец мог бы управлять миром и помимо этих правил, так как без них не было бы и самого мира» (14, стр. 163).

Подчиняя бога закономерностям природы, Монтескье наносил существенный удар не только теологии, но и телеологии, т. е. религиозному учению о целенаправленности всех явлений природы, якобы реализующих некоторую божественную цель.

Монтескье был сторонником причинного рассмотрения всех процессов действительности. Он следовал в этом отношении за материалистом Демокритом, утверждавшим, что все имеет свои причины и из ничего ничто не возникает. Само собой понятно, что взгляды Монтескье на причинность вступали в противоречие с его деизмом, т. е. с признанием бога первопричиной вселенной.

4. Теория познания

Признав первичность материи и вторичность сознания, установив объективную связь явлений, Монтескье с логической неизбежностью должен был поставить вопрос о том, каким путем и насколько верно познает человек окружающий его материальный мир. Вот почему в трудах французского просветителя серьезное внимание уделяется теории познания.

В XVIII в. среди церковных деятелей была широко распространена объективно-идеалистическая теория познания Платона в интерпретации «отца церкви» Августина. Платон утверждал, что в человеческом теле, как в темнице, находится в заточении вечная душа. Когда-то эта душа пребывала в потустороннем мире. Поэтому если человек что-то знает, то это означает не что иное, как воспоминания его души о пребывании в сверхчувственном мире. Знание — это воспоминание, утверждали платоники. Что касается конкретных вещей и явлений материального мира, то мы, по Платону, не можем сказать о них ничего достоверного; мы обладаем только «мнениями» об этих вещах. Да и какой

интерес знать вещи, если по своей сущности они лишь копии потусторонних идей. Августин переделал теорию познания Платона на христианский лад. Он уверял, что мы рождаемся уже с готовыми идеями о боге и чудесах. Средневековый схоласт Ансельм Кентерберийский придумал даже особое «доказательство бытия божия», основанное на том утверждении, что якобы заложенное в нашей голове понятие о боге свидетельствует о существовании бога и что поэтому *идеальное* знание предшествует реальному знанию и совпадает с верой. «Король схоластов» Фома Аквинский не отрицал частичной способности людей познавать окружающие их предметы, но он всегда добавлял, что в конечном счете всякое познание возможно только с помощью бога.

Просветитель Монтескье решительно отрицал религиозно-идеалистические догмы. Он строил свою гносеологию на признании объективного существования природы в пространстве и времени. Действуя на человека, природа вызывает в его сознании различные представления о действительности. Отсюда подлинное знание есть предметное знание. Оно идет извне, от природных вещей и явлений к человеку как части природы. Монтескье прежде всего признает *опытное* знание. Он продолжает в этом отношении традиции Бэкона Веруламского, выдающегося английского мыслителя XVII столетия, которого Маркс величал родоначальником *«английского материализма и всей современной экспериментирующей науки»* (2, стр. 142).

В своем историческом трактате «Размышления о причинах величия и падения римлян» Монтескье показывает на многочисленных примерах, что, только ориентируясь на опыт, римские мыслители и политические деятели составляли правильные суждения о природе и обществе.

Признавая огромную роль опыта, он доказывал, что без разума, без рациональной обработки чувственных знаний невозможно познать действительность. Критикуя схоластов, он упрекает их главным образом за два основных порока— недооценку опыта и недооценку здравого смысла.

Говоря о современных ему поэтах, Монтескье иронически называет их людьми, специальность которых заключается в том, чтобы ставить препоны здравому смыслу и также обременять разум украшениями, как в свое время обременяли женщин всевозможными уборами и нарядами.

В книге «О духе законов» Монтескье прямо возражает против теории врожденных идей, против учения об априорном, т. е. независимом от опыта, характере наших знаний. Человек никогда не рождается с определенными знаниями, эти знания он приобретает лишь в дальнейшем, т. е. идет от незнания к знанию. «Человек в природном состоянии, — рассуждает Монтескье, — обладает не столько познаниями, сколько способностью познания. Ясно, что первые идеи его не будут носить умозрительного характера: прежде чем размышлять о начале своего бытия, он думает о его охранении» (14, стр. 165).

Человек идет не от понятий к ощущениям, а от ощущений к понятиям. Сначала он ощущает только свои непосредственные нужды, затем приучается к выводам и обобщениям. Познание — это процесс. Оно наталкивается на ряд трудностей, которые постепенно преодолеваются. Познавая, люди улавливают причинную связь явлений и на этом основании предугадывают события.

Подобно другим просветителям Монтескье решительно борется со средневековым догматизмом, с преклонением перед авторитетами церкви, перед официальными и неофициальными «святыми». В первую очередь, полагает он, нужно доверять естественным человеческим чувствам и склонностям и, конечно, человеческому разуму, проливающему свет на все происходящее как в природе, так и в обществе.

В конечном счете Монтескье вместе с материалистами признавал, что познание — это отражение в человеческой голове объективно существующего материального мира. Однако он не смог последовательно развить материалистическую теорию познания. Подобно Локку он признавал два источника познания — внешний мир и внутреннюю деятельность человеческой души. В работе «Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства»

Монтескье исходит из двоякой способности души: отражать предметы, существующие вне человека, и отражать идеи, существующие только в самом человеческом я. Монтескье не понимал того коренного материалистического положения, что природа, материальный мир является первичным, а сознание — вторичным, что сознание есть отображение бытия, поэтому духовная деятельность человека является следствием не двух, а одного материального источника.

Не мог Монтескье правильно разобраться и в вопросе о критерии истины. Впрочем и французские материалисты не дошли в своей теории познания до признания роли революционнопрактической деятельности для подтверждения или опровержения научных положений. Только марксизм, совершивший революционный переворот в философии, сумел разрешить эту проблему.

Глава третья **СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МОНТЕСКЬЕ**

1. Об обществе и его законах

Как ни важно было для Монтескье исследование общеполитических проблем, однако он принадлежал к тому отряду просветителей, для которых вопросы социологии играли первенствующую роль. Это объясняется не только его личными вкусами, симпатиями и интересами, не только основательной эрудицией в области гуманитарных наук, в первую очередь юриспруденции, истории и политической экономии, но и рядом объективных условий, и прежде всего тем обстоятельством, что Франция стояла перед лицом коренных социальных перемен и ее лучшие и наиболее дальновидные сыны считали своей первой обязанностью глубоко проникнуть в самую суть общественной жизни и понять ее решающие движущие силы и закономерности. Не случайно почти все философы-просветители XVIII в. занимались одновременно и философией природы, и проблемами общественного развития — вспомним Дидро, Гольбаха, Ламетри и Гельвеция, не говоря уже о Вольтере. Что касается Монтескье, то он подобно Руссо был социологом по преимуществу и прославился главным образом своими социологическими исследованиями. Монтескье отличался огромным историческим кругозором. Его «Размышления о причинах величия и падения римлян» и «О духе законов» содержат многочисленные сведения по гражданской истории, истории права, государства, быта и семейных отношений. Он отлично знал историю Древней Греции и Древнего Рима, Сирии, Египта и отчасти Китая. Французский просветитель весьма интересовался историей России, Англии, Испании и Португалии. Он глубоко изучил прошлое своей родины. Монтескье систематически обращался к самым разнообразным источникам. Так, в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера он видел не только произведения искусства, но и ценный материал по истории зарождения рабства. Труд Полибия «Всеобщая история» привлекал его как своей фактической стороной, так и рассуждениями о ходе самого исторического процесса. Древний историк Дионисий Галикарнасский интересовал его как автор «Римской археологии». Высоко ставил Монтескье исследования Тита Ливия, сочинения Плутарха, а также, как уже известно, трактаты Цицерона. Невозможно перечислить историков более позднего времени, к которым не обращался бы французский просветитель. Он был замечательным знатоком «Истории франков» Григория Турского, известен его блестящий разбор «Критической истории установления французской монархии в Галии» Жан-Батиста Дюбо.

Обширные историографические познания Монтескье давали ему несравненные преимущества перед многими современниками. Монтескье стремится именно из исторических фактов делать теоретические выводы и обобщения. Если даже его обобщения и страдали нередко коренными пороками, то само стремление разобрать проблемы социальной жизни по существу, изучить прошлое и настоящее как они были и есть на самом

деле, а не с точки зрения той или другой отвлеченной программы открывало новую страницу в истории прогрессивной социологической мысли прошлого.

Монтескье, как социолог, быстро завоевал признание во всех странах, его идеи стали знаменем передовой буржуазии в борьбе против религиозных средневековых теорий общества и государства.

Какие же общетеоретические вопросы поставил Монтескье в своих социологических и исторических трудах?

Прежде всего Монтескье стремился подойти к обществу с светской точки зрения, решительно выступал против Августина, рассматривавшего историю как борьбу двух начал — земного и духовного. Не менее решительно опровергал он Фому Аквинского, выводившего власть государя из «божьей воли», утверждавшего, что общественная жизнь зависит в конечном счете от «божественного права». Монтескье, признавая бога в качестве первотолчка вселенной, вместе с тем считал бессмысленностью искать божественное предопределение в социальных явлениях.

Теологический подход к истории, рассуждал Монтескье, неизбежно ведет к фатализму. Если бог всем руководит, то людям ничего не остается, как сидеть у моря и ждать погоды, т. е. быть пассивными созерцателями. Но в XVIII столетии, в период всеобщего брожения умов, в период идейной подготовки буржуазной революции, даже самые умеренные просветители решительно осуждали людей, мирящихся с социальной неправдой.

В работе «О духе законов» Монтескье раскритиковал мировоззрение фаталистов: «Учение о неумолимой судьбе, которая всем управляет, обращает правителя в невозмутимого зрителя; он думает, что бог уже сделал все, что нужно, и ему больше нечего делать» (14, стр. 358).

Не менее фатализма государя опасен фатализм подданных. Простой человек, считал Монтескье, не имеет права поднять топор на своих властителей, но протестовать морально, не мечом, а пером, прибегать к легальным методам защиты своих прав и интересов он не только может, но и должен. Гражданин, примирившийся с деспотизмом, теряет право называться гражданином, он становится рабом и заслуживает презрения. Подводя итог многолетним размышлениям, Монтескье в предисловии к своему главному труду пишет:

«Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии.

Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона» (14, стр. 159).

Таким образом, французский просветитель приходит к выводу, что общественная жизнь представляет собой закономерный процесс, причем законы общества не навязаны ему извне, а существуют в нем самом в качестве внутренней сущности отдельных социальных явлений. В книге «О духе законов» Монтескье высказывает глубокую догадку, характеризуя объективную основу законов как необходимые отношения, вытекающие из природы вещей.

Вместе с тем Монтескье, как и другие просветители, превращает личность в демиурга социальной жизни и видит в социальных законах продукт произвольной деятельности законодателей. Он смешивает закон как юридическую категорию с общественным законом, не зависящим от воли и сознания людей; в его трудах немало субъективно-идеалистических, волюнтаристских определений закона. Так, в III главе первой книги «О духе законов» Монтескье утверждает, что закон — это человеческий разум, управляющий всеми народами земли, а политические и гражданские законы каждого народа — частные случаи приложения этого разума. Еще более субъективистски звучат формулировки закона в XIV главе девятнадцатой книги «О духе законов», где законы провозглашаются частными и точно определенными установлениями законодателя (см. 14, стр. 416). В «Персидских письмах» Монтескье видит причину всех социальных бедствий в том, что «большинство законодателей были людьми ограниченными, только случайно поставленными во главе

других и не считавшимися ни с чем, кроме своих предрассудков и фантазий» (13, стр. 274). Однако порой он чувствует ошибочность этого взгляда. Человеческое общество в таком случае выступает как хаос случайностей, как результат взаимно исключаящих друг друга волей. Отпадает, следовательно, идея прогресса, становится невозможной наука об обществе.

Таким образом, поставив вопрос об объективных законах общества, Монтескье, как и все социологи домарксовского периода, не мог последовательно отстаивать свою позицию. Он бьется в противоречиях, социальные законы у него то объективны, то субъективны, т. е. искусственно создаются законодателями. Однако и субъективизм Монтескье имел в те времена антифеодальный смысл. Ведь речь шла в какой-то мере о реабилитации личности, которая почти полностью растворялась в сословно-феодальных отношениях. Монтескье имел в виду не феодального разбойника или «святого» отшельника. Он выше всего ставил личность, которая издает законы в интересах общественного прогресса, в интересах просвещения и культуры, личность, которая таким образом преобразовывает *нравы* людей. Монтескье подобно другим просветителям полагал, что от господствующих в обществе нравов, обычаев, убеждений зависит вся структура общественной жизни. Поэтому для него проблема закономерности была органически связана с проблемой роли законодателей и с выяснением того места, которое занимают в обществе нравы и нравственные воззрения людей. Монтескье утверждал, что нравы людей определяются, с одной стороны, географической средой, а с другой — зависят от существующего политического строя. Он не занимал здесь монистической позиции. Однако и в том и в другом случае Монтескье устранял религиозную теорию предопределения. В конечном счете нравы людей, согласно Монтескье, вытекают из природы и общественной среды, окружающей человека. Понятие общественной среды совпадало у него с понятием политического строя и господствующего законодательства.

Утверждая, что различие нравов определяется различием географических и общественных условий, Монтескье игнорировал при этом классовые различия. Непонимание классовой структуры современного ему общества — самое уязвимое место в социологии Монтескье и других идейных предшественников буржуазной революции. В этом отношении французскому просветителю было далеко до таких буржуазных ученых более позднего времени, как английские экономисты Адам Смит (1723–1790 гг.) и Давид Рикардо (1772–1823 гг.), пытавшиеся вскрыть экономические основы разделения общества на классы, или французские историки и социологи Тьерри (1795–1856 гг.), Минье (1796–1884 гг.) и Гизо (1787–1874 гг.), стремившиеся подойти к французской буржуазной революции XVIII столетия с точки зрения классовой борьбы. Монтескье видел в борьбе общественных классов лишь борьбу политических принципов. Он предпочитал говорить не о разложении аристократии, а о разложении *принципа* аристократии, критиковал больше не деспотизм, а *идею* деспотизма. Однако Монтескье уже чувствовал, что за столкновением идей и принципов скрывается борьба реальных общественных сил. Указывая на отличие принципа демократии от принципа аристократии, он сразу же ставил вопрос о том, что за демократическим принципом скрывается народ, а за принципом аристократии — небольшая кучка паразитов народа.

В книге Монтескье «О духе законов» имеется глава «О стремлении дворянства к защите трона». В ней содержится глубокая мысль о том, что корона находит себе поддержку в дворянстве и что английская знать похоронила себя вместе с Карлом I под обломками трона.

Следовательно, сводя, как и все идеалисты, реальные отношения, господствующие в обществе, к борьбе идей, Монтескье в ряде случаев делал замечательные догадки о необходимости выведения идей из самой жизни. Он признавал, что за идеями скрываются интересы отдельных сословий, а применительно к Франции понимал, что речь идет о борьбе бесправного третьего сословия против двух привилегированных сословий феодального общества — дворянства и духовенства.

При характеристике общественных нравов и обычаев Монтескье в отдельных случаях

противопоставляет аристократической знати третье сословие: крестьян, ремесленников, предпринимателей и торговцев. Он ценит представителей третьего сословия за любовь к труду и критикует светских и духовных феодалов за паразитизм. В «Персидских письмах» Монтескье опровергает утверждения, будто французы легкомысленный и ленивый народ, у которого на уме лишь пиры и забавы. В действительности большинство французов честно и ревностно трудятся. Французскому народу, пишет Монтескье, свойствен пыл в работе. Без труда не было бы французской культуры, ее городов и деревень, архитектурных памятников, мануфактурных предприятий, без труда не было бы Парижа.

Однако, будучи буржуазным идеологом, Монтескье не в состоянии был вскрыть антагонизм, свойственный самому третьему сословию. Он не мог понять принципиального различия между трудящимися и их эксплуататорами, между рабочими мануфактур и владельцами этих предприятий. Не критикуя эксплуататорского строя, как такового, Монтескье вместе с тем решительно осуждал рабство во всех его проявлениях.

Пятнадцатая книга «О духе законов» посвящена критике рабства, причем в понятие рабства Монтескье включает и крепостнические отношения. Наряду с гражданским рабством, которое французский просветитель определяет как безусловную власть одного человека над жизнью и имуществом другого, Монтескье говорит еще о политическом рабстве, т. е. о несправедливости граждан перед лицом государства. Таким образом, он выступает здесь против феодально-крепостнического строя, его экономических и политических основ.

Гражданское рабство, утверждал Монтескье, дурно по самой своей природе. Оно приносит вред всему обществу, ибо калечит не только рабов, но и рабовладельцев. Политическое рабство лишает народы элементарных человеческих прав.

Монтескье полемизирует с римским гражданским правом, дозволявшим должнику продавать себя в рабство. Исходя из формально-юридической точки зрения, Монтескье остроумно замечает: неправда, будто свободный человек может себя продать. Продажа предполагает уплату. Но так как купленный раб становится со всем своим имуществом собственностью своего господина, то выходит, что господин ничего не дает, а раб ничего не получает.

Монтескье решительно выступает против права отцов продавать в рабство своих детей. Если человек не имеет права продавать самого себя, заявляет он, то тем менее он может продавать в рабство свое потомство.

Защитники рабства и крепостничества доказывали «благодетельный» характер этих институтов тем, что рабовладелец или феодал дает пропитание зависящим от него людям. Критикуя этот аргумент, Монтескье остроумно заявляет, что в таком случае рабство или крепостничество должно быть ограничено нетрудоспособными лицами. Однако и рабовладельцы и крепостники заинтересованы прежде всего в трудоспособных рабах.

Монтескье опровергает и экономические доводы в пользу рабовладельческих от крепостнических отношений, сводящиеся к тому, что, будучи свободными, люди якобы никогда не захотят выполнять некоторые особо тяжелые работы. Ссылаясь на историю, Монтескье вспоминает время, когда в рудниках действительно работали только рабы или преступники. Но в наши дни, заявляет он, на рудниках добровольно работают свободные граждане и даже любят свою профессию. Монтескье не только высказывает свое отрицательное отношение к крепостничеству, но и излагает положительную программу формального равенства эксплуататоров и эксплуатируемых. Он противопоставляет рабам и крепостным свободных людей, под которыми разумеет тех, кто вправе по собственному желанию выбирать любой род занятий.

Монтескье выдвигает и другой, более убедительный довод против необходимости принудительного труда. Нет столь тяжелой работы, утверждает он, которую нельзя было бы заменить машиной. Совершенные орудия производства, управляемые человеком, дадут всем людям радостную, счастливую и зажиточную жизнь.

Как идеолог молодой прогрессивной буржуазии, Монтескье смело выдвигал идею: техника и наука должны служить историческому прогрессу и содействовать освобождению

человечества от наиболее тягостных форм физического труда.

Осуждая феодальные порядки, Монтескье в то же время считал, что они на определенной ступени общественного развития имели смысл. Отсюда его прямое заявление о том, что феодальные законы «причинили бесконечно много добра и зла...» (14, стр. 656). Этим Монтескье сделал робкую попытку увидеть в истории прогрессивный переход от одной фазы к другой, раскрыть поступательное движение общества как некую закономерность. Монтескье полагал, что старый строй объективно себя изжил и должен уступить место новому строю. Однако это должно произойти путем компромисса между аристократией и третьим сословием, с помощью законодателя, от которого всецело зависит будущее. Идеалистический подход к обществу помешал Монтескье занять правильную позицию по такому коренному вопросу, как победа сил прогресса над силами реакции.

Понимая прогрессивное развитие общества весьма поверхностно и ограниченно, Монтескье стремился подойти исторически к истокам общественной жизни. Он попытался ответить на вопрос о конкретных причинах возникновения человеческого общества и происхождения государства. Здесь он целиком в духе теории естественного права (Гроций и Спиноза в Голландии, Гоббс и Локк в Англии) доказывал, что в первоначальном, естественном состоянии люди не знали государства и лишь с течением времени пришли к необходимости его организации. При этом Монтескье примыкал к тем сторонникам естественного права, которые рассматривали первобытную жизнь не как всеобщую вражду и взаимное истребление людей, а как состояние дружбы и мира. Идеализация первобытного человека была для Монтескье формой критики современной ему феодальной культуры.

Первобытным людям, доказывает Монтескье, не было необходимости воевать друг с другом. Наоборот, они были кровно заинтересованы в мирных отношениях. У них не могло также возникнуть и желания властвовать над другими людьми, *ибо* это желание связано с более сложными отношениями. Поэтому мир, а не война, заключает Монтескье, был *первым естественным законом* человека. Это утверждение Монтескье содействует разоблачению современных идеологов империализма, которые утверждают, что воинственность — естественное свойство человеческой природы.

Вторым естественным законом человека французский просветитель объявляет стремление добывать себе пищу. Идеалистический подход к обществу не позволяет Монтескье сделать из этого положения соответствующий вывод о решающей роли способа производства материальных благ в развитии общества. Он рассматривает производство только как один из многих факторов, влияющих на жизнь общества. Для Монтескье хозяйственная деятельность людей представляется производной от физиологии человеческого организма. Он утверждает, что одной из причин возникновения общества является чисто биологическое чувство влечения каждого животного организма к животным своей природы, и называет это влечение *третьим естественным законом* человека.

На основании трех естественных законов Монтескье в духе теории общественного договора выводит *четвертый закон* — желание жить в обществе, т. е. осознание человеком необходимости создания общества и государства, вытекающее из рациональных способностей человека делать умозаключения и принимать решения.

Большой интерес представляет гениальная догадка Монтескье об отсутствии в первобытном обществе частной собственности. Монтескье заявляет, что, отказавшись от естественной независимости, чтобы жить под властью государственных законов, люди отказались и от естественной общности имущества, чтобы жить под властью гражданских законов. Он рассматривает, таким образом, частную собственность как сравнительно поздний продукт исторического развития. Но, будучи сторонником частнособственнических отношений, Монтескье делает из этого обстоятельства ряд неправильных выводов. Частная собственность является у него следствием общественного договора, т. е. ставится в зависимость от юридических норм. Она превращается им как бы в высшее проявление цивилизации. Монтескье старается доказать, что даже признание примата общественного блага над частным не дает никому права лишить человека хотя бы самой ничтожной части

его имущества.

Благоговение перед правом частной собственности, как известно, было характерно не только для Монтескье, но и для большинства французских просветителей предреволюционного периода. Даже Руссо, критикуя крупную частную собственность, хотел увековечить собственность мелкую. Монтескье наивно полагал, что при частной собственности всякий человек может достичь материального благополучия и истинной свободы.

Монтескье был одним из выдающихся идеологов раннего буржуазного гуманизма. Его гуманизм при всей своей классовой ограниченности служит обвинительным актом против современной буржуазии, рассматривающей человека прежде всего как объект эксплуатации. Империалист знает лишь одну жизненную страсть — погоню за максимальной капиталистической прибылью.

Как выразитель интересов молодого класса, идущего к власти, Монтескье был искренне убежден, что защищает интересы всего французского народа. О французской буржуазии того времени В. И. Ленин писал: «Во Франции 1789 г. дело шло о свержении абсолютизма и дворянства. Буржуазия на тогдашней ступени экономического и политического развития верила в гармонию интересов, не боялась за прочность своего господства и шла на союз с крестьянством. Этот союз обеспечил полную победу революции» (8, стр. 77).

Противоположную позицию занимает буржуазия в период загнивающего капитализма. Она проводит антинародную и антинациональную политику и цинично демонстрирует свое неуважение к народным массам.

2. Географизм Монтескье

Подчеркивая объективность некоторых основополагающих законов общественного развития, Монтескье по существу рассматривает их как законы природы (как естественные законы), продолжающие действовать в обществе. Он выступает в качестве одного из главных представителей географической теории общественного развития, т. е. считает географическую среду решающей причиной возникновения и существования различных форм государственной власти и законодательства.

Как известно, многие современные сторонники географической теории придерживаются крайне реакционных взглядов. Они уверяют, что общественная жизнь не может изменяться, если не изменяется географическая среда, а так как последняя изменяется весьма медленно, то «логично» делается вывод о незакономерности социальных революций.

Монтескье рассуждал иначе. Ссылаясь на географическую среду, он лишь хотел доказать, что ход истории зависит не от воли бога, а от чисто естественных причин и что поэтому не религия, а наука в состоянии понять закономерности общественной жизни. Поэтому географическую теорию Монтескье нельзя отождествлять с реакционными географическими учениями эпохи империализма.

Обращение французского просветителя к географической среде играло прогрессивную роль еще и потому, что оно выражало практический интерес молодой буржуазии к развитию материальных производительных сил общества, а следовательно, к использованию естественных ресурсов.

Как выше отмечалось, в труде «О духе законов» имеется ряд книг и глав, специально посвященных природным факторам — климату, почве и др. Так, книга четырнадцатая озаглавлена «О законах в их отношении к свойствам климата»; в ней подробно трактуется влияние климата на характер людей, на их обычаи и нравы, на формы государственного устройства. Книга пятнадцатая повествует «об отношении законов гражданского рабства к природе климата»; здесь Монтескье конкретно связывает проблему рабства с климатическими условиями отдельных стран. Книга шестнадцатая озаглавлена «Об отношении к климату законов, регулирующих домашнее рабство». Аналогичной проблеме посвящена книга семнадцатая. Глава III этой книги подробно анализирует климат Азии.

Наконец, в обширной восемнадцатой книге Монтескье пытается ответить на вопрос, как природа почвы влияет на законы.

Придавая особое значение климату, просветитель обосновывает это тем, что характер ума и страсти сердца различны в различных климатических условиях. Холодный климат делает людей физически более крепкими, а следовательно, и более активными, трудоспособными, целеустремленными. Жара приучает к лени, изнеженности, равнодушию. В несколько наивной форме, но исходя из материалистических позиций, Монтескье обосновывает зависимость духовной жизни человека от его физической организации. Логика его рассуждений примерно такова: жара и холод видоизменяют тело; тело в свою очередь действует на дух.

«Холодный воздух, — читаем мы в книге четырнадцатой „О духе законов“ (гл. II), — производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость» (14, стр. 350).

Поэтому в странах с холодным климатом люди крепче, чем в жарких странах. А здоровый и крепкий человек питает большее доверие к самому себе, т. е. имеет большее мужество, большую уверенность в своей безопасности, больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. «Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным. Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши» (там же).

Реакционные социологи сделали из этих рассуждений и примеров расистские выводы о превосходстве одних народов над другими. Монтескье как просветитель занимает противоположную позицию. Он считает, что люди равны от рождения, что никакого превосходства одних рас над другими не существует. В благоприятной естественной среде каждый человек в состоянии поступать честно и благородно. Народы южных стран будут поступать на севере подобно северным народам, и, наоборот, северяне, попав в условия жаркого климата, превратятся в изнеженных южан. Наконец, — и это самое основное у Монтескье — он полагал, что в любых климатических условиях умные и просвещенные законодатели в состоянии воспитать вполне достойных граждан. На конкретных исторических примерах французский просветитель показывал, как различные народы то достигали больших успехов в разнообразных областях своей деятельности, то вступали в период разложения. Так, в главе XXII «Размышлений о причинах величия и падения римлян» он говорит о «слабоумии», охватившем некогда даровитых древних греков. В той же главе говорится о некоторых преимуществах арабов по сравнению с римлянами, когда-то бывшими самым одаренным народом. Монтескье неоднократно восхищался достоинствами англичан. При ближайшем рассмотрении оказывается, что его восторг в первую очередь относится к буржуазной конституции Англии.

Чрезвычайно смело Монтескье ставит вопрос о государственном строе, характеризуя влияние на него климата. Из его рассуждений явствует, что королевский деспотизм во Франции находится в полном противоречии с ее климатом, т. е. он противоестествен.

Вместе с тем ссылка на климат имела и обратную сторону. Она могла привести к оправданию реакционных режимов, якобы отвечающих определенной географической среде. В частности, Монтескье оправдывал политический произвол в азиатских странах, уверяя, что он с неизбежностью вытекает из жаркого климата.

Против этих неверных положений, вытекавших логически из географического подхода к обществу, выступали французские материалисты XVIII столетия с Гельвецием во главе (см. 17, стр. 249–250).

Не меньшую ошибку делает Монтескье, когда говорит о влиянии почвы на социально-экономический строй и нравы людей. Так, по мнению французского просветителя, равнинное положение того или иного государства содействует деспотическому режиму, а гористая местность благоприятствует свободе. Точно так же, Монтескье был глубоко убежден, что островитяне более склонны к свободе, чем жители континентов. «Острова, — писал он, — бывают обыкновенно небольших размеров; там труднее употреблять одну часть населения для угнетения другой; от больших империй они отделены морем, и тирания не может получить от них поддержку; море преграждает путь завоевателям; островитянам не угрожает опасность быть покоренными, и им легче сохранять свои законы» (14, стр. 395).

Эти доводы Монтескье легко опровергнуть при помощи его же собственных аргументов. Подобно тому как исторические судьбы народов были весьма различны, несмотря на неизменные географические условия, так и неизменное островное положение Англии не помешало ей в одних исторических условиях иметь деспотов, а в других — конституционных монархов, ограниченных в своих правах. На глазах Монтескье менялись социально-политические условия в континентальных странах Европы. А разве сам Монтескье, критиковавший королевский произвол во Франции, не противоречил своей географической концепции? Вот почему географизм Монтескье — уязвимая пята его социологии. И французский просветитель, видимо, сам догадывался, что географические условия многого не объясняют в истории народов. Поэтому он ищет и другие объективные основы развития общества, ставя их рядом с географической средой. В итоге Монтескье, как правильно подметил Г. В. Плеханов, склонялся к плюралистической «теории факторов».

3. О роли экономики в жизни общества

Одной из главных заслуг Монтескье как социолога является его стремление исследовать вопросы экономики. В книге восемнадцатой «О духе законов» Монтескье отмечает, что сама по себе почва еще не дает высоко развитого земледелия; к земле должен быть приложен интенсивный человеческий труд. Мало того, иногда бесплодная почва служит стимулом для подъема хозяйственной жизни, а в свою очередь благоприятная для земледелия природная среда делает людей более ленивыми, инертными, неспособными развивать свои производительные силы. В итоге Монтескье до некоторой степени критикует распространенные в то время взгляды физиократов, утверждавших, что богатство страны целиком зависит от богатства природных условий. Глава VI книги восемнадцатой как бы специально направлена против физиократов. Она озаглавлена «О странах, созданных трудолюбием людей».

В «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркс, отмечая исторические заслуги физиократов, в то же время указывал на их главный методологический порок — сведение социальных отношений к законам природы, непонимание качественных особенностей общества и его закономерностей.

Солидаризируясь в ряде пунктов с физиократами, пропагандируя географическое понимание истории, Монтескье вместе с тем, пусть неуверенно и половинчато, демонстрирует специфику социальной жизни, наличие в ней качественно новых процессов по сравнению с естественной средой. В главе VII той же книги «О духе законов», носящей заголовок «О делах человеческих рук», Монтескье рассуждает о том, как благодаря трудовой деятельности люди сделали землю более удобной для обитания. «Подобно тому как есть народы-разрушители, — восклицает Монтескье, — причиняющие зло, которое переживает их самих, есть и народы трудолюбивые, творящие добрые дела, которые не погибают вместе с ними» (14, стр. 396).

В главе VIII («Общее соотношение законов») мы находим у Монтескье замечательную формулу: *«Законы очень тесно связаны с теми способами, которыми различные народы добывают себе средства к жизни»* (14, стр. 396. Курсив мой. — М. Б.).

К сожалению, французский просветитель не смог развить это положение. Он сплошь и рядом придает производственной деятельности не столько экономическое, сколько моральное значение.

Немалую ценность представляют некоторые выступления Монтескье в пользу меркантилизма — экономической теории, которая, по словам Маркса, представляла собой первую теоретическую разработку капиталистического способа производства. Подобно меркантилистам Монтескье главное внимание уделяет вопросам торговли, проблеме обращения, а не производства. По мнению Монтескье, источником прибыли является продажа товаров по более дорогой цене. Отсюда внимание Монтескье к быстрейшему развитию внешней торговли, ее активному балансу. Из развиваемых Монтескье положений о решающей роли торговли следовал вывод: если Франция будет больше продавать товаров, чем покупать, то она превратится в самую богатую страну. Изучая историю Римской империи, Монтескье приходит к выводу, что наиболее печальным результатом падения бывшего римского могущества явилось разрушение внутренней и международной торговли. Варвары, рассматривавшие торговлю как грабеж, отбросили человечество далеко назад. Открытие Америки Монтескье рассматривает с точки зрения все тех же торговых интересов и в этой связи критикует испанцев, видевших в новых землях лишь предмет завоевания.

Исключительный интерес представляет двадцать вторая книга «О духе законов», целиком посвященная проблеме денег. В ней деньги определяются как знак, выражающий ценность всех товаров. В вопросе о деньгах Монтескье пытается преодолеть точку зрения меркантилизма. Он один из создателей так называемой количественной теории денег, согласно которой величина стоимости денег определяется их количеством в сфере обращения. Критикуя количественную теорию денег, Маркс писал в «Капитале», что она исходит из нелепого предположения, что «товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, и затем в этом процессе известная часть товарной мешанины обменивается на соответствующую часть металлической груды» (3, стр. 134).

При всей ошибочности количественной теории денег Монтескье она была известным шагом вперед по сравнению с традиционными взглядами меркантилистов, рассматривавших золото как единственное воплощение богатства.

Значительный интерес представляет попытка Монтескье проследить историю денежного обращения. В частности, он отмечает, что древние афиняне не знали употребления металлических денег и пользовались вместо денег быками, а римляне — овцами. В непрерывном росте количества золота и серебра Монтескье видит одну из главных задач цивилизации. А этот рост обеспечивается внешней торговлей. Поэтому он хвалит Англию за то, что вся ее политика определялась в конечном счете интересами ее внешней торговли. Английский народ, говорил Монтескье, лучше других народов сумел воспользоваться выгодами торговли.

Выступая с апологией внешней торговли, Монтескье видит в ней самый могучий фактор общения между народами. Естественное действие торговли, заявляет французский просветитель, — склонять людей к миру, ибо между двумя торгующими друг с другом народами устанавливаются взаимная зависимость, заинтересованность и дружба. Он отмечает и другие достоинства торговли:

«Дух торговли порождает в людях чувство строгой справедливости; это чувство противоположно, с одной стороны, стремлению к грабежам, а с другой — тем моральным добродетелям, которые побуждают нас не только преследовать неуклонно собственные выгоды, но и поступаться ими ради других людей.

Совершенное же отсутствие торговли приводит, наоборот, к грабежам, которые Аристотель относит к числу различных способов приобретения» (14, стр. 433).

Вместе с тем Монтескье видит и отрицательные стороны торговли. Купцы, продающие друг другу товары, заражаются духом торгашества, начинают ценить личные, корыстные интересы выше общественных. В труде «О духе законов» Монтескье пишет:

«Но дух торговли, соединяя народы, не соединяет частных лиц. Мы видим, что в

странах, где людей воодушевляет только дух торговли, все их дела и даже моральные добродетели становятся предметом торга. Малейшие вещи, даже те, которых требует человеколюбие, там делаются или доставляются за деньги» (14, стр. 433).

Фетишизируя подобно всем другим буржуазным экономистам товаро-денежные отношения, Монтескье приходит к неправильному утверждению: «Если богатые будут мало тратить, то бедным придется умирать с голоду» (14, стр. 244). Этим Монтескье оправдывает паразитизм господствующих классов. Подобный взгляд, по утверждению Маркса, свидетельствует, что французский просветитель, стоя на буржуазных позициях, был вместе с тем еще заражен средневековыми аристократическими взглядами.

Наряду с признанием роли торговли Монтескье уделяет серьезное внимание развитию промышленности. Его интересуют многочисленные технические изобретения, дающие возможность повышать производительность труда. Одна из глав труда «О духе законов» посвящена способам поощрения промышленности. Монтескье предлагает назначить премии наиболее отличившимся в своем деле земледельцам и ремесленникам. Эти меры, по его утверждению, будут хороши для любой страны.

Сравнивая доходы землевладельцев с доходами промышленников, Монтескье пытается обосновать особые преимущества индустрии. «Обрати внимание, — пишет он, — каких размеров достигают доходы от промышленности. Капитал, вложенный в землю, приносит своему владельцу только двадцатую часть своей ценности, а художник, затратив красок на один пистоль, напишет картину, которая принесет ему пятьдесят пистолей. То же можно сказать о золотых дел мастерах, о рабочих, изготавливающих шерстяные или шелковые ткани, и обо всех вообще ремесленниках» (13, стр. 227). Однако в целом Монтескье неправильно отдает приоритет торговле.

Как ни ограничены экономические взгляды Монтескье, они были направлены против феодальной замкнутости и ставили своей целью развитие торговли и промышленности.

4. Учение о праве и государстве

Накануне уничтожения феодального государства французская буржуазия прежде всего задумывалась о природе государственной власти. У Монтескье проблема происхождения и развития государства занимает немалую долю среди других социологических проблем. Он не верил в зависимость государства от божественного произвола: теоретически признание божественного происхождения власти привело бы к самым плоским теологическим взглядам «отцов церкви» и Фомы Аквинского, политически же навеки оправдывало бы деспотизм в любых его проявлениях. Можно ли выступать против государственных порядков, сколь несправедливы и скверны они ни были, если они «от бога»? Поэтому просветители, в их числе Монтескье, исходили из договорной теории, утверждая, что политический строй создается не потусторонними силами, а людьми и в интересах людей. Придавая особое значение биологическим и географическим предпосылкам возникновения государства, Монтескье вместе с тем был убежден, что в конечном счете государство — продукт человеческого разума. Люди поняли, *осознали*, что вне государства они не смогут нормально существовать и развиваться, и поэтому они предпочли государство естественному состоянию.

При всей ограниченности такого подхода к обществу и государству он имел серьезное прогрессивное значение в борьбе с феодальноцерковными учениями.

Не менее решительно выступил Монтескье против теорий, отождествляющих власть государя с властью отца. Нельзя судить о государственном устройстве, доказывал просветитель, по аналогии с семейными отношениями. Крестьяне отнюдь не являются детьми своих феодалов, а их феодалы не похожи на родителей.

«Основываясь на том, — читаем мы в книге первой „О духе законов“, — что отеческая власть установлена самой природой, некоторые полагают, что правление одного — самое естественное из всех. Но пример отеческой власти ничего не доказывает, ибо если власть

отца и представляет некоторое соответствие с правлением одного, то власть братьев по смерти отца или по смерти братьев власть двоюродных братьев — соответствует правлению нескольких лиц. Политическая власть необходимо предполагает союз нескольких семейств» (14, стр. 167).

Современные реакционные французские историки и философы объявляют Монтескье идеологом провинциальной знати. Но ведь именно провинциальная аристократия любила обосновывать свои привилегии патриархально-семейными традициями. Монтескье же высмеивал эти традиции, выступал как выразитель интересов поднимающегося третьего сословия, как борец против феодально-сословного строя.

Будучи представителем правого крыла просветителей, Монтескье не верил в силы и способности народных масс, в их революционный энтузиазм. Но ведь даже просветитель-демократ Руссо, искренний пропагандист народного суверенитета, оставлял за трудящимися сравнительно ограниченные функции в общественно-политической жизни. Тем меньше было оснований для защиты народоправства у Монтескье. Однако, пусть ограниченно и формально, он все же утверждал, что государственная власть существует для народа и соответствует характеру народа. Ему был ненавистен строй, в котором народ безмолвствует. Монтескье полагал, что в отдельных случаях у народа можно и даже должно учиться.

Монтескье указывает на три основные формы государственной власти, которые, по его мнению, могут в той или иной мере выполнять необходимые социальные функции: республику, монархию и деспотию. Под республикой Монтескье понимает правление, в котором верховная власть полностью или частично находится в руках народа. Монархию он характеризует как власть одного человека, осуществляемую посредством законов. Что касается деспотии, то она определяется как государственный строй, целиком подчиняющийся произволу одного лица, игнорирующего всякие законы.

Анализируя республиканский порядок, Монтескье выступает в защиту всеобщего избирательного права. Он доказывает, что народ может и выбирать достойных руководителей, и контролировать их. Вместе с тем просветитель против того, чтобы выходцы из народа избирались на руководящие должности. Здесь сказывается его стремление к компромиссу с привилегированными сословиями. Народ, пишет Монтескье, в высшей степени удачно избирает тех, кому он должен поручить часть своей власти. Он знает, например, что такой-то человек успешно воевал, и избирает его своим полководцем. Народ хорошо осведомлен о честных и справедливых судьях и может без колебаний поручить им любые судейские должности. «Но сумеет ли он сам выполнить какое-нибудь дело, — вопрошает Монтескье, — изучить места, возможности, благоприятные моменты, воспользоваться этими знаниями? Нет, этого он не сумеет сделать...

Подобно тому как большинство граждан вполне способно быть избирателями, но не имеет всех нужных качеств для того, чтобы быть избираемыми, народ способен контролировать деятельность других лиц, но не способен вести дела сам» (14, стр. 170–171).

Монтескье видит главный порок республики в том, что ею непосредственно руководят народные массы, действующие «по влечению страсти, а не по велению разума». Поэтому он предпочитал разумного монарха. Однако он признавал, что республика в ряде случаев не менее закономерна, чем монархия. Эта идея французского просветителя имела большое прогрессивное значение.

Несмотря на свое сочувствие просвещенной монархии, Монтескье находит во всемирной истории доказательства известных преимуществ республиканского строя перед монархическим. В «Персидских письмах» Монтескье полемизирует с феодальной историографией, не замечающей республиканских форм правления. Он обращается для этого не только к истории Древней Греции, Древнего Рима или Карфагена, но замечает, что на определенной стадии развития и в Италии, и в Испании, и в Германии существовала республиканская форма правления. Историю Древней Греции он рассматривает как историю постепенного освобождения ее народа от монархической власти. Только в республике,

заклучает Монтескье, древние греки обрели подлинную свободу и добились подъема хозяйства и культуры.

Противник революционного свержения французской монархии, Монтескье не может не признать значение революционной борьбы в древнем мире. Он вынужден констатировать, что республиканский строй осуществлялся в древнем мире путем беспощадной борьбы со сторонниками монархии.

Пусть субъективно Монтескье не допускал этой борьбы для Франции, пусть даже высказывался за компромисс с королевской властью, деятели французской буржуазной революции оценивали его выступления по-другому. Ссылаясь на труды Монтескье, они обосновывали историческую необходимость установления во Франции республиканского строя.

В «Персидских письмах» Монтескье содержится замечательная мысль об экономических преимуществах республиканского режима. Монтескье открыто заявляет, что гражданское равенство содействует благосостоянию населения, в то время как деспотизм приводит к бедности и нищете подавляющей массы людей. В республике богатство страны приводит к росту народонаселения. «Мягкость управления, — пишет Монтескье, — удивительно способствует размножению человеческого рода. Все республики являются постоянным доказательством этого, и больше всех Швейцария и Голландия, две самые плохие страны в Европе, если иметь в виду природные условия их территории, и тем не менее самые населенные.

Ничто так не привлекает иностранцев, как свобода и всегда сопровождающее ее богатство: первая привлекательна сама по себе, а наши потребности влекут нас в те страны, где есть второе.

Люди размножаются в той стране, где изобилие дает возможность прокормить детей, нисколько не уменьшая благосостояния отцов.

Даже гражданское равенство, влекущее обычно за собой и равенство состояний, вносит изобилие и жизнь во все части политического тела и распространяет их всюду.

Не так обстоит дело со странами, подчиненными власти произвола: государь, придворные и некоторое количество частных лиц владеют всеми богатствами, в то время как все остальные стонут от крайней бедности.

Если человек находится в трудных обстоятельствах и чувствует, что дети у него будут еще беднее его самого, он не женится или если женится, то будет опасаться обзавестись слишком большим количеством детей, которые могут окончательно расстроить его средства и опуститься ниже положения их отца» (13, стр. 261).

Эти слова Монтескье попадают не в бровь, а в глаз мальтузианцам, утверждающим, что обнищание трудящихся в капиталистических странах — результат их чрезмерного размножения. Еще Монтескье понимал, что причины бедности заключаются отнюдь не в этом. Монтескье лишь не мог постичь, что благосостояние широчайших масс трудящихся невозможно не только при феодализме, но и при капитализме.

Важное значение имела идейная борьба Монтескье против деспотического режима во Франции. В «Персидских письмах» он проводит мысль о том, что несправедливая, попирающая интересы народных масс власть французских королей превосходит тираническую власть восточных султанов и падишахов. Если персы беспрекословно подчиняются своему монарху, уверяет Монтескье, то они это делают не задумываясь. Во Франции люди подчиняют королевской власти даже свои мысли. Они сознательно служат своему деспоту, т. е. являются убежденными холопами короля. Вместе с тем, по мнению Монтескье, народные массы в сущности безразличны к своим государям. И «добро», и «зло», идущие от государя, одинаково не нужны третьему сословию. «Хотя бы десяток известных ему (народу. — М. Б.) только по имени государей перерезал друг друга, народ не почувствует никакой разницы, все равно как если бы им последовательно управлял десяток духов» (13, стр. 218).

Французский король, рассуждает Монтескье в «Персидских письмах», — самый

могущественный государь в Европе. У него нет золотых россыпей, как у испанского короля, но у него значительно больше богатств, чем у всех других королей, ибо он без зазрения совести грабит своих подданных, ведет несправедливые войны для грабежа других народов, производит мошеннические финансовые операции. Французский король, иронически пишет просветитель, с одинаковой гениальностью управляет и своей семьей, и своим государством. Он награждает тех, кто служит Франции, и тех, кто наиболее успешно перед ним лакействует, причем последних он предпочитает первым.

Если в «Персидских письмах» Монтескье критикует деспотизм при помощи конкретных фактов и иллюстраций как из прошлого, так и из современной ему действительности, то в труде «О духе законов» он пытается теоретически разоблачить деспотизм как никуда не годную, порочную систему независимо от личных качеств того или иного деспота. Ни в одном из деспотических государств, заявляет он, не существует никаких законов. Однако и при наличии законов они реально были бы сведены к нулю, так как в них нет учреждений для охраны этих законов. Неограниченный монарх, как правило, передоверяет свою власть льстецам и негодьям, которые думают не о благе отечества, а о своем личном обогащении. Что же касается самого деспота, то он настолько привыкает к угодничеству, лести и невежеству, что теряет все благородные черты и превращается в низкое, аморальное существо, движимое животными страстями. В деспотическом государстве, заявляет Монтескье, человек, которому все его пять чувств постоянно говорят, что он — все, а прочие люди — ничто, естественным образом ленив, сластолюбив и невежествен. Деспотический режим, доказывает французский просветитель, — это террористический режим, который знает один путь — путь устрашения граждан. Вот почему Монтескье приходит к выводу, что деспотизм непрочен.

В XIII главе пятой книги «О духе законов» Монтескье сравнивает деспотическое правление с обычаем дикарей Луизианы, которые, желая достать с дерева плод, срубают дерево под самый корень. Так действует и деспотическое правление, само подрубающее ствол, на котором оно держится.

Феодално-деспотическому режиму Монтескье противопоставляет конституционно-монархический или республиканский режим и подобно Локку развивает компромиссную теорию разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, действующие изолированно друг от друга. Монтескье был убежден, что, если монарх будет управлять, не вмешиваясь в судебные функции, а законодательные органы будут только издавать законы, но не управлять страной, все основные сословия феодального общества будут удовлетворены, в частности буржуазия перестанет быть врагом аристократической знати. В этом вопросе Монтескье подобно Локку ориентировался на так называемую Славную революцию 1688–1689 гг. в Англии, основанную на классовом компромиссе между буржуазией и феодално-аристократической властью. О таком компромиссе мечтал Монтескье и для Франции. Сама по себе теория разделения властей играла во времена Монтескье известную прогрессивную роль, ибо в какой-то мере ограничивала судебную и законодательную власть монарха. Но по существу она страдала коренным пороком, так как фактически вела к уничтожению единства государственной власти, делала исполнительную власть независимой от законодательных органов и по сути дела бесконтрольной, а законодательные органы превращала в учреждения, которые могли издавать законы, но не имели права следить за их исполнением. Между отдельными властями возникали конфликты. Теория разделения властей — типичный образец компромисса французского просветителя.

Столь же умеренный и компромиссный характер носили попытки Монтескье принципиально разграничить монархический и деспотический режимы. В республике, уверял Монтескье, господствует принцип добродетели, в монархии — принцип чести, а для деспотического режима характерен принцип страха. К. Маркс в письме, опубликованном в «Deutsch-Französische Jahrbücher» (1843 г.), резко критикует Монтескье за это утверждение. «Принцип монархии вообще, — пишет Маркс, — презираемый, презренный,

обесчеловеченный человек; и Монтескье был совершенно неправ, когда объявил честь принципом монархии. Он старается выйти из затруднения, проводя различие между монархией, деспотией и тиранией; но все это — обозначения одного и того же понятия, в лучшем случае они указывают на различия в нравах при одном и том же принципе. Где монархический принцип имеет за собой большинство, там человек — в меньшинстве, а где монархический принцип не вызывает никаких сомнений, там и вовсе нет человека» (1, стр. 374–375).

Отстаивая монархический принцип, Монтескье в отличие от демократа Руссо исходит из интересов буржуазной верхушки. Он сам откровенно пишет, что нельзя мыслить себе монархическое правление без наличия привилегированного меньшинства, без существования богатых купцов, предпринимателей и родовитого дворянства. Однако при всей своей классовой ограниченности Монтескье и здесь неизмеримо превосходит идеологов более поздней буржуазии. Он выступает за буржуазно-демократические свободы и требует, чтобы монархическая власть относилась к народу с должным уважением. Принцип монархии разлагается, утверждает Монтескье, когда высшие должности в государстве занимают сановники, к которым народ не питает уважения, когда подлые души чванятся величием своего рабства и думают, что, будучи всем обязаны государю, они свободны от всяких обязанностей перед отечеством. Монархический строй должен гарантировать каждому гражданину минимум политических свобод. Государь не имеет права подвергать своих подданных оскорблениям и нарушать законы.

Если государь ставит себя выше закона, он превращается в деспота.

Излагая различные мнения по вопросу о политической свободе, Монтескье замечает, что некоторые понимают под свободой возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью, а также право избирать тех, кому они должны повиноваться. В этих заявлениях Монтескье деятели французской буржуазной революции (Марат и другие) находили идейную опору для свержения тиранической власти французских королей.

Сам Монтескье ориентировался на революцию сверху, на прогрессивное законодательство. Не случайно его главный труд носит название «О духе законов»: Монтескье подробно анализирует в нем различные формы законодательства на различных этапах исторического развития. Он решительно предупреждает об опасности обожествления гражданских или уголовных законов: из законов действенных они превращаются в нечто застывшее, становятся непригодными для дела. «Человеческим законам, — резюмирует французский просветитель, — свойственно от природы подчиняться всем видоизменяющимся обстоятельствам действительности...» (14, стр. 559).

Этим самым Монтескье выступает решительным сторонником замены феодальных законов, как устаревших, новыми законами, соответствующими интересам третьего сословия, иначе, превращения Франции в буржуазное государство. Он смело и без обиняков заявляет, что только те законы должны применяться, которые *хороши*, т. е. служат общественному благу. Если гражданские законы противоречат естественному праву, то приоритет должен остаться за естественным правом. Зато при столкновении гражданских законов с законами религии первые должны главенствовать над вторыми.

В книге двадцать шестой «О духе законов» есть глава с характерным названием «В каком случае должно следовать гражданскому закону, который разрешает, а не закону религии, который воспрещает». Желая избежать преследований со стороны церкви, французский просветитель формально признает «величие» религиозных норм, но вместе с тем обстоятельно разъясняет, почему соблюдение государственных законов обязательно для всех граждан, а законы религии соблюдаются добровольно самими верующими и только в той мере, в какой они не противоречат постановлениям светской власти.

«Законы религии, — пишет Монтескье, — более величественны, законы гражданские обладают большей широтой.

Законы совершенства, заимствованные из религии, имеют в виду не столько качества общества, в котором они соблюдаются, сколько качества отдельного человека, который их

соблюдает. Гражданские законы, напротив, имеют в виду более нравственное достоинство людей вообще, чем отдельного человека.

Таким образом, как бы почтенны ни были сами по себе понятия, вытекающие непосредственно из религии, они не всегда должны служить руководящим началом для гражданских законов, потому что эти последние имеют иное руководящее начало — благо общества в его целом» (14, стр. 565).

Здесь французский просветитель четко отмежевывает принципы гражданского права от религиозных законов и фактически высказывается за отделение церкви от государства.

Не менее прогрессивное значение имели рассуждения Монтескье о способе составления законов. Этой проблеме посвящена двадцать девятая книга «О духе законов». В ней решительно осуждается абсолютистский режим, при котором господствует беззаконие. Вместе с тем автор не согласен с законодателями, которые видят в законах нечто случайное и произвольное и придают решающее значение формальной стороне. Монтескье рассуждает, что никогда не следует рассматривать законы независимо от цели и обстоятельств, ради которых и при которых они были созданы. Он с негодованием осуждает бесчеловечные законы, нарушающие элементарные права граждан; таким был в древних Афинах закон, требовавший, чтобы в случае осады города предавали смерти всех жителей, которые бесполезны для его защиты. Этот отвратительный политический закон являлся следствием отвратительного международного права: у древних греков население покоренных городов теряло гражданскую свободу и продавалось в рабство. Эти законы вызывали отчаянное сопротивление всего населения, подвергшегося нападению. Осажденные предпочитали смерть капитуляции. Таким образом, законы, направленные против ни в чем не повинных людей, приносили вред не только побежденным, но и победителям.

Немало принадлежит Монтескье ярких страниц, направленных против бесчеловечных юридических норм, действовавших в инквизиционных трибуналах.

«Суд инквизиции, — указывал он, — учрежденный христианскими монахами, на основании представления о суде над кающимися грешниками, противен всякому гражданскому порядку. Он вызвал против себя всеобщее негодование и уступил бы протесту, если бы сторонники его не воспользовались этим самым протестом в своих интересах.

Этот суд невыносим при всех образах правления. В монархиях он только создает донощиков и изменников; в республиках плодит бесчестных людей; в деспотическом государстве является таким же разрушителем, как и само это государство» (14, стр. 567).

В конечном счете Монтескье приходит к выводу: закон должен стоять на страже свободы и формального равенства всех граждан, независимо от их происхождения и религиозной принадлежности, на страже частной собственности и свободной торговли. Этот вывод стал одним из решающих лозунгов грядущей буржуазной революции во Франции.

5. Война и военное искусство

Учение Монтескье о праве и государстве органически связано с его учением о войнах. Французский просветитель решительно отмежевывается от теологического понимания войн. Войны ведутся людьми и не имеют никакого отношения к богу, к сверхъестественным причинам и целям. Склонный биологизировать историю, Монтескье, однако, как выше уже отмечалось, чужд тем социологам, которые видят в войне «естественный закон». В этом отношении он, несомненно, превосходит Гоббса. Скажем больше, Монтескье ставит и разрешает вопрос о войнах научнее и глубже, чем некоторые из реакционных буржуазных социологов XX столетия, которые объясняют происхождение войн «чувством драчливости», якобы изначально присущим человеку. Новейшие геополитики видят в войне борьбу народов и государств за «жизненное пространство». Монтескье, несмотря на свой географизм, не становится и на эту позицию. Наконец, его концепция чужда расистскому пониманию войн. Французский просветитель вовсе не видит в воинственности признак

«высшей расы». Вообще он глубоко убежден, что войны не связаны ни с цветом кожи тех или иных народов, ни с размером или формой их черепа. Для Монтескье война — социальное явление. Он стремится подойти к войнам исторически, на основе конкретных фактов, а не искусственно придуманных схем. Его труд «Размышления о причинах величия и падения римлян» посвящен детальному анализу военной истории древнего мира. Монтескье не гнушается рассматривать материальную подоплеку войн и в ряде случаев преодолевает волонтаристский подход к войнам как к случайному продукту произвола монархов или республиканских вождей.

В главе первой «Размышлений о причинах величия и падения римлян» Монтескье объясняет воинственность Ромула и его преемников прежде всего тем, что они жили за счет добычи, взятой у побежденных народов. Рим не был торговым городом, рассуждает автор «Размышлений», в нем почти не было ремесел, поэтому война была единственным способом обогащения его граждан.

«В самом грабеже соблюдалась известная дисциплина; он производился приблизительно в том же порядке, какой мы видим теперь у крымских татар.

Добыча считалась общей, и ее распределяли между солдатами; ничего не пропадало, потому что до отправления на войну каждый давал клятву, что он ничего не похитит из добычи в свою личную пользу. А римляне добросовестнее всех народов в мире соблюдали клятву, которая всегда была движущей силой их военной дисциплины.

Наконец, граждане, которые оставались в городе, также пользовались плодами победы. Часть земель побежденного народа подвергалась конфискации, причем она делилась на две доли: одна продавалась в пользу государства, другая же распределялась между бедными гражданами, которые обязаны были выплачивать ренту в пользу республики.

Консулы, которым декретировали триумф только в том случае, если они совершили завоевание или одержали победу, вели войну чрезвычайно стремительно, они шли прямо на врага, и сила вскоре решала участь войны» (14, стр. 51–52).

Объясняя войны Древнего Рима паразитизмом «вечного города», жившего грабежами и насилиями, французский просветитель иронически относится к «гуманным» заявлениям римских завоевателей. Римлян он считал «макиавеллистами» древности, которые были готовы самыми подлыми, беспринципными методами добиваться победы.

Когда римляне имели против себя несколько противников, констатирует французский просветитель, они заключали перемирие с более слабым, который считал себя осчастливленным этим; затем, одолев сильного противника, римляне нарушали перемирие со слабым и сравнительно легко уничтожали его. Рим никогда не заключал мира искренне, констатирует Монтескье. Его мирные договоры, собственно говоря, являлись только временными перерывами в непрерывных (войнах). Римляне включали в договоры условия, каковые в будущем должны были привести к гибели государство, с которым заключалось соглашение. Так, по договору заставляли выводить из крепостей гарнизоны, сокращать число сухопутных войск. Иногда такие государства должны были отдавать римлянам своих лошадей и слонов. Если народ, заключивший договор с Римом, был сильным на море, то его обязывали сжечь все свои корабли. После уничтожения войск побежденного государства римляне систематически истощали его финансовые ресурсы при помощи чрезмерных налогов или дани. Случалось, отмечает французский просветитель, что Рим предоставлял некоторым завоеванным городам свободу. Однако «подобная свобода существовала только по имени» (14, стр. 75).

Иногда римские агрессоры становились владыками той или иной страны под предлогом, будто получили эту страну в наследство. Так они вступили в Азию, Вифинию и Ливию на основании завещаний Аттала, Никомеда и Аппиона. Египет был захвачен римлянами на основании завещания царя Кирены.

Когда два народа вели между собой войну, продолжает Монтескье, и Рим не состоял ни с одним из них ни в дружеских, ни во враждебных отношениях, то он все же не пропускал случая появиться на сцене. Римляне всегда придерживались правила разделять народы.

«Когда в каком-либо государстве возникали раздоры, римляне немедленно брали на себя роль судей. Благодаря этому они получали уверенность в том, что против них будет выступать только та сторона, которую они осудили. Если претенденты на престол имели общих предков, то они иногда объявляли обоих царями; если же один из них был малолетним, то они решали дело в его пользу и брали на себя его опеку в качестве защитников всего мира. Дошло до того, что цари и народы стали их подданными, не зная даже точно, на каком юридическом основании, ибо римляне считали, что достаточно было какому-либо народу услышать о них, чтобы тем самым он стал их подданным.

Они никогда не вели войн с отдельными народами, не обеспечив себя предварительно вблизи врага каким-либо союзником, который мог бы посылать им вспомогательные отряды; и так как армия, которую они посылали, никогда не была многочисленной, то они всегда держали вторую армию в провинции, расположенной ближе всего к врагу, и третью — в Риме, которая всегда была готова выступить в поход. Таким образом, они рисковали лишь весьма незначительной частью своих сил, в то время как их противник ставил на карту все свои силы.

Иногда они злоупотребляли тонкостью терминов своего языка. Они разрушили Карфаген, ссылаясь на то, что они обещали сохранить государство, но не город. Известно, как были обмануты этолийцы, положившиеся на верность римлян. Римляне заявили, что слова „положиться на верность врага“ обозначают потерю всех вещей, людей, земель, городов, храмов и даже гробниц.

Они произвольно толковали даже договоры» (14, стр. 76–77).

Подводя итоги римской завоевательной политики, превратившей Рим в мировую державу, Монтескье именуется римлян грабителями, не знавшими удержу. Легко убедиться в том, что, критикуя римлян, просветитель часто имеет в виду современных ему завоевателей.

В работе «О духе законов» Монтескье анализирует войны более позднего периода. Он приходит к чрезвычайно важному выводу о зависимости характера войны от политического строя воюющих государств. Деспотическая власть, враждебно относящаяся к своему народу, не может миролюбиво и гуманно относиться к чужим народам. Деспотизм приводит к несправедливым, грабительским войнам, от которых в конечном счете терпят ущерб широкие народные массы.

Защищая интересы молодой буржуазии, французский просветитель с возмущением констатирует, что феодальные войны приносят вред международной торговле. «Торговля, то уничтожаемая завоевателями, то стесняемая монархами, странствует по свету, убегая отсюда, где ее угнетают, и отдыхая там, где ее не тревожат» (14, стр. 448).

В итоге Монтескье выступает решительным борцом за мир и сотрудничество народов. Еще в 1721 г. в «Персидских письмах» он признает необходимыми и справедливыми только два вида войн: один, когда граждане стремятся отразить напавшего на них неприятеля, другой, когда помогают атакованному союзнику (см. 13, стр. 200).

В «Размышлениях о причинах величия и падения римлян» Монтескье всецело на стороне народов, защищавшихся от римских разбойников; он на стороне отважного Митридата и его соратников, мужественно сражавшихся с римскими полководцами за свободу своего отечества, а если Митридат в конечном счете был побежден, то виной этому предательство военачальников и сыновей Митридата. Ганнибала автор именуется великим государственным деятелем и великим полководцем, ибо он сделал все для спасения своего отечества.

Немало примеров благородной борьбы против интервентов приводит Монтескье в своей работе «О духе законов». Особенно подробно останавливается французский просветитель на отношении победителей к побежденным. Он открыто заявляет, что тот, кто истребляет побежденных или обращает их в рабов, в конечном счете сам терпит поражение. Ссылаясь на исторический опыт, Монтескье напоминает, что французов девять раз изгоняли из Италии вследствие их наглого обращения с женщинами. Не по силам народу, страдающему от высокомерия победителей, писал он, выносить к тому же и их

невоздержанность и беззастенчивость, их бесчисленные оскорбления. Монтескье доказывал, что ненависть народа к интервентам является великой силой, способной творить чудеса. Ему принадлежит любопытная утопия о миролюбивом первобытном народе «троглодитов», который, несмотря на отсутствие военного опыта, сумел нанести сокрушительный удар напавшим на него грабителям. Сила «троглодитов» заключалась в пламенном патриотизме, в стремлении во что бы то ни стало защитить свою страну, своих жен и детей от жестоких врагов. Войну «троглодитов» с завоевателями Монтескье охарактеризовал как войну между добродетелью и несправедливостью.

Таким образом, защищая идеи мира, Монтескье отнюдь не становился на путь пацифизма. Великий французский просветитель учил, что народ, отстаивающий свою свободу и независимость, достоин высшей похвалы.

Глава вторая «Размышлений о причинах величия и падения римлян» посвящена военному искусству у римлян. В этой главе проводится мысль, что структура армии зависит от того, какие цели эта армия преследует. Монтескье придает большое значение духу армии, ее дисциплинированности, стремлению одержать победу над противником. Когда римская армия стала пополняться людьми, испорченными роскошью городов, она была обречена на поражение. Безразличные к судьбам своего отечества, римские легионы превратились в разношерстные отряды, которым «нечего было терять или сохранять» (14, стр. 58).

Если две армии примерно равны друг другу с точки зрения морального духа и дисциплины, то побеждает та, которая обладает лучшей военной техникой. Монтескье иллюстрирует этот тезис на примере войны римлян с галлами. Армии обоих народов, пишет он, одинаковы по славе и упорному стремлению к победе, их солдаты и военачальники презирали смерть. Однако у них было различное оружие, различная военная техника: у галлов — маленький щит и плохой меч; у римлян — замечательное по тому времени вооружение. Совершенно естественно, что римляне, как правило, били галлов. И в новое время, рассуждает просветитель, вооружение сплошь и рядом решает успех сражения. Вот почему Монтескье уделял большое внимание вопросам военной техники.

Он положительно относился к изобретению пороха — могучему средству защиты человека от нападающих на него хищников, но вместе с тем отмечал, что порох таит в себе и грозную опасность. После изобретения пороха нет больше неприступных убежищ от несправедливости и насилия. Необходимо поэтому добиваться, чтобы порох не попадал в руки преступников. А что, если люди, спрашивал Монтескье, изобретут еще более жестокий способ истребления? Не принесет ли такое изобретение непоправимые бедствия людям? «Нет, — тут же заявлял он. — Если бы обнаружилось такое роковое открытие, оно вскоре было бы запрещено человеческим правом, и единодушное соглашение народов похоронило бы его» (13, стр. 224).

Это заявление передового французского мыслителя XVIII столетия приобретает в наши дни особый интерес. Не случайно Всемирный Совет Мира почтил французского просветителя как идейного сторонника мирных взаимоотношений между большими и малыми государствами.

6. Общество и семья

Монтескье больше многих других современников занимался проблемами семьи и брака. Как и в ряде других вопросов, заслуга Монтескье — в попытке изучить семейную проблему на конкретном материале. «Персидские письма» изобилуют примерами семейных отношений и семейной морали; труд Монтескье «О духе законов» насыщен иллюстрациями, характеризующими положение женщин в самых различных странах мира и на самых различных этапах исторического развития.

Французский просветитель решительно преодолевает «европейский» подход к семье, игнорирующий семейные нравы в странах других континентов. Он нередко с большим интересом говорит о семье в странах Азии, чем в Европе, и даже во Франции. Пусть в

абстрактной форме, с позиций умеренного буржуазного гуманизма, но Монтескье всецело на стороне женщин, когда речь идет о борьбе за их элементарные человеческие права.

Большое теоретическое значение имеют разделы труда «О духе законов», посвященные проблеме неравенства полов и возникновения многоженства. Специально рассматривается вопрос о чувстве стыдливости и ревности.

Глава I двадцать третьей книги ставит общую проблему о воспроизведении рода у людей и животных, глава II этой же книги раскрывает содержание брака. Большой интерес представляет глава X, названная «Что побуждает людей к браку». Другие главы этой книги трактуют юридические проблемы брака, в частности понятие о «законных» и «незаконных» детях, о законодательстве, поощряющем размножение населения, и т. д.

К вопросу о семье и браке Монтескье подходит то как естествовед, то как социолог, историк или правовед. Поражает поистине энциклопедическая эрудиция французского просветителя.

Однако некоторые его размышления подчас наивны; иногда Монтескье эклектически применяет различные точки зрения на происхождение семьи и условия ее развития. Но везде чувствуется глубокий, творческий и пытливый ум, яркий талант и пламенный темперамент. Перед нами не спокойный наблюдатель, а борец, пытающийся активно вторгаться в жизнь. Чувствуется атмосфера идейной подготовки буржуазной революции. Поэтому вряд ли можно согласиться с А. М. Дебориным, который в своем труде «Социально-политические учения нового времени» превращает французского просветителя в дюжинного либерала, напоминающего буржуазных деятелей конца XX столетия (см. 20, стр. 262–274).

Монтескье видит биологический смысл семьи в содействии воспроизведению человеческого рода, в реализации закона самосохранения. В этом смысле человек принадлежит к миру животных, во всяком случае он (вопреки теологии отнюдь не является «подобием бога»). Вместе с тем человек в отличие от животных существует в обществе, обладает интеллектом, приспосабливается к политической обстановке. Поэтому понять семью можно, подходя к ней и биологически, и социологически.

Монтескье отмечает влияние экономики на формы семьи и брака. В частности, он рассматривает многоженство как результат богатства отдельных представителей мужского пола. Экономические отношения влияют на правовое положение женщины, на так называемую святость брака, на его расторгимость или нерасторгимость.

Особенно интересна мысль французского просветителя о том, что нередко характер семьи зависит от принадлежности мужа и жены к определенному сословию. Иногда Монтескье объясняет различные формы семьи климатическими условиями. Здесь сказывается его географический подход к обществу.

«Закон, позволяющий мужу иметь только одну жену, более подходит к физическим свойствам европейского климата, чем азиатского. Это одна из причин, почему магометанство так легко установилось в Азии и с таким трудом распространялось в Европе, почему христианство удержалось в Европе и было уничтожено в Азии и почему, наконец, в Китае так преуспевают магометане и так мало успеха имеют христиане. Человеческие соображения всегда подчиняются той высшей причине, которая делает все, что хочет, и пользуется всем, что ей нужно.

По некоторым особым причинам Валентиниан дозволил многоженство в империи. Этот закон, противный нашим природным условиям, был отменен Феодосием, Аркадием и Гонорием» (14, стр. 377).

В конечном счете Монтескье приходит к выводу, что семейные отношения должны соответствовать биологической природе человека, географическим условиям, в которых он живет, и социальной целесообразности. На этих трех принципах должны базироваться законы о семье и браке.

Законодатель, учит просветитель, должен всегда исходить из признания принципиального равноправия полов. Он должен бороться как с развратом, так и с аскетическим пониманием семейных отношений. Любить и быть любимым, рассуждает

просветитель, — великое счастье, на которое вправе рассчитывать каждый, и если законодательство игнорирует право на любовь, оно неразумно и бессмысленно.

Иногда Монтескье открыто высказывается против вмешательства религии в семейные дела. В конечном счете он всегда за гражданский брак. Родители должны заботиться о детях, а дети о родителях не потому, что об этом говорит «священное писание», а вследствие естественных и гражданских законов.

Мы находим в трудах французского просветителя резкую критику женщин-аристократок, «ум которых не дерзает мыслить, а сердце чувствовать, глаза не смеют (видеть, а уши слышать... которые являются в общество только для того, чтобы показать, как они глупы, которые осуждены на бесконечный вздор и стеснительные правила...» (14, стр. 511–512).

Такого рода женщинам Монтескье противопоставляет женщин, которые ценят свободу и разум, преисполнены гражданских добродетелей и являются истинными подругами честных и порядочных мужчин.

Монтескье сумел решительно преодолеть религиозно-библейское представление о семье, а также взгляд на семью как на нечто вечное и неизменное; в его трудах есть зародыш исторического подхода к взаимоотношениям между палами. Французский просветитель рассматривает семью не только с естественно-биологической, но и с социально-экономической стороны. Наконец, он уделяет большое внимание семейному праву.

Взгляды Монтескье на вопросы семьи и брака перекликаются с более радикальными воззрениями левого вождя просветительства Руссо.

7. Проблемы морали и воспитания

Как и все просветители, Монтескье считал, что в конечном счете жизнь общества зависит от господствующих в нем нравов, от правильных законов, от того, какой монарх стоит у власти— просвещенный и добродетельный или жестокий и безнравственный. Поэтому Монтескье не мог не интересоваться проблемами морали. Причем если в одних случаях мораль превращается у него в причину социальных изменений, то в других случаях мораль становится следствием общественной среды. Точно так же обстояло дело у Монтескье и с вопросом о взаимоотношении морали и конституционного устройства: законы зависят от морали, а мораль — от законов.

В труде «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов подробно разобрал эти взгляды французских просветителей как взгляды, свидетельствующие об их эклектизме. Просветительская философия, писал он, «смотрит на общественную жизнь с точки зрения взаимодействия», каждая сторона жизни влияет на все остальные и в свою очередь испытывает влияние всех остальных» (27, стр. 520). Даже самые систематические умы из лагеря просветителей, утверждает далее Плеханов, не могли пойти дальше. В частности, точки зрения *взаимодействия* придерживался Монтескье во всех своих произведениях. Только материалистический взгляд на историю, открытый Марксом и Энгельсом, оказался в состоянии раскрыть подлинные движущие силы общественной жизни.

Однако в пределах своей ограниченной теории Монтескье сумел высказать ряд замечательных догадок о социальной природе морали и в этом отношении оставил далеко позади себя многих мыслителей XVIII в. В трудах Монтескье дается определение морали, раскрывается ее содержание. Под моралью он понимает правила и нормы человеческого поведения, создаваемые в интересах социального прогресса. Он не признает теологической морали, служащей потусторонним силам, хотя и не подвергает, как это сделали французские материалисты и атеисты, религиозную мораль острой критике. Однако он склонен считать, что роль религии состоит в том, чтобы в какой-то мере смягчать и облагораживать людей. Говоря о морали, как таковой, Монтескье вместе с другими просветителями подчеркивает ее человеческое содержание: она должна соответствовать природе людей, содействовать их

интеллектуальному расцвету. В целом Монтескье трактует мораль с позиций буржуазного гуманизма.

Французский просветитель учит, что мораль ведет к счастью; чем более народ добродетелен, тем он счастливее. В содержание морали Монтескье включает любовь к равенству и умеренности. При этом он резко отмежевывается от отождествления Понятия «умеренность» с аскетизмом. Аскет, умерщвляя свою плоть, сознательно отказывается от радостей жизни; умеренный человек *наслаждается* жизнью.

Так же подходит автор «О духе законов» к такой категории, как «милосердие». Он не согласен со слащавым, сентиментальным пониманием милосердия у церковных проповедников. Быть милосердным — это значит благожелательно относиться не только к другим людям, но и к самому себе. От милосердия выигрывают как те, кому помогают, так и тот, кто помогает. В специальной главе «О милосердии государя» (книга шестая) Монтескье ведет скрытую полемику с Макиавелли. Жестокий царь, утверждает французский просветитель вопреки Макиавелли, не укрепляет свой трон, а расшатывает его. Государь, прибегающий к милосердию, становится самым могущественным монархом. «Монархи могут так много выиграть милосердием, — заявляет Монтескье, — оно вызывает к ним такую любовь, приносит им столько славы, что почти всегда возможность оказать милосердие есть для них счастье, а в наших странах в этих возможностях нет недостатка» (14, стр. 241).

Здесь в своеобразной форме проводится распространенная в XVIII столетии теория разумного эгоизма. Мне *выгодно* быть добродетельным, как бы заявляет Монтескье. Сочувствуя другим и оказывая помощь своим ближним, я тем самым добиваюсь больших жизненных успехов. Вредя другим, я приношу в конечном итоге вред самому себе.

Как ученого-юриста Монтескье интересовали взаимоотношения права и морали. Он считал, что право должно защищать мораль, стоять на страже личной и общественной нравственности, и тогда оно может многого достичь. Однако, сокрушается французский просветитель, многие законодатели лишь внешне, т. е. не на деле, а на словах, пекутся о нравственности граждан, отсюда и их законы бессильны что-либо изменить.

Изданные в Древнем Риме законы против распутства не только не свидетельствовали о чистоте нравов, но, напротив, служили признаком их испорченности. «Ужасающая распущенность нравов обязывала императоров создавать законы для того, чтобы положить некоторый предел бесстыдству. Но общее исправление нравов не входило в их намерения» (14, стр. 251). В частности, Август и Тиберий под видом борьбы с разнузданностью нравов карали лиц, не проявлявших должного благоговения перед императором. В итоге Монтескье приходит к весьма смелому по тому времени выводу о несовместимости монархического устройства с подлинным законодательством в защиту морали. «Чистота нравов не есть принцип единоличного правления», — заключает просветитель (14, стр. 252).

В главе VIII своего труда он явно поддерживает республиканские традиции. «Хорошие законодатели требовали от женщин известной строгости нравов. Они изгоняли из своих республик не только порок, но даже видимость порока» (14, стр. 248).

Таким образом, будучи сторонником просвещенной монархии, Монтескье не мог не симпатизировать более радикальному антифеодальному законодательству в республиках. Французский просветитель считал, что республики, в особенности незначительные по своим территориальным размерам, больше считаются с законами природы, а природа протестует против распущенности нравов.

«Все народы, — писал Монтескье, — единодушно относятся с презрением к распущенности женщин, потому что всем им внятен голос природы. Она установила нападение, она же установила и защиту и, внушив обеим сторонам желание, дала одной стороне дерзость, а другой — стыд. Она дала людям много времени для забот о самосохранении и лишь короткие моменты для воспроизведения своего рода.

Поэтому неправильно мнение, будто невоздержанность порождается законами природы, напротив, она является их нарушением; скромность и самообладание — вот что

предписывается этими законами.

Кроме того, в природе разумных существ заложена способность чувствовать свои несовершенства, потому-то природа и дала нам стыдливость, т. е. чувство стыда перед этими несовершенствами» (14, стр. 383).

Здесь автор явно склоняется к биологической трактовке нравственности.

Иногда Монтескье связывает аморализм с неблагоприятным климатом. Он прямо сетует на то, что в жарких странах страсти пробуждаются раньше.

Таким образом, у французского просветителя уживаются одновременно три концепции морали: социально-политическая, выводящая моральные нормы из общественного строя и политических учреждений; биологическая, объясняющая мораль природой человека как биологической особи; и географическая, выводящая нравственность из климата, рельефа местности и т. д. Этот плюрализм и эклектизм Монтескье объясняется не его индивидуальными слабостями как ученого, а общим уровнем философской и социологической мысли XVIII в. Ведь даже наиболее последовательные французские атеисты и материалисты были *метафизическими* материалистами в понимании природы и *идеалистами* в понимании общества. Монтескье не был атеистом и материалистом даже в понимании природы, но благодаря огромному историческому кругозору он не мог не обратить внимание на возможность использования морали различными общественными группами в своих интересах. Отсюда учение Монтескье о морали как важнейшем элементе воспитания.

Французский просветитель был гениальным педагогом XVIII столетия, в этом отношении его можно сравнить с Руссо. Определяя принципы воспитания, Монтескье всегда исходил из двух посылок: необходимо дать людям конкретные знания о природе и обществе и вместе с тем научить их правильным поступкам, привить им высокую нравственность. Каждой эпохе, доказывал мыслитель, и каждому общественно-политическому строю свойственны свои приемы морального воспитания, свои нравственные цели и нравственные оценки. В труде «О духе законов» книга четвертая так и озаглавлена: «О том, что законы воспитания должны соответствовать принципам образа правления»; специальные главы этой книги посвящены воспитанию в монархиях, в деспотических государствах и в республиканском государстве.

Меньше всего удался Монтескье анализ монархической системы воспитания. Мы уже обращали внимание на ошибку просветителя, объявившего принципом монархии честь. Однако при всем сочувствии монархии Монтескье не может отказаться от критики феодально-сословного воспитания, по существу характерного для монархического строя. Он дает единственное в своем роде разоблачение придворно-аристократического понимания моральных обязанностей молодого поколения. В поступке, указывает Монтескье, здесь ценят не доброе чувство, а показную красоту, не справедливость, а широту размаха, не благоразумие, а необычайность. Принципы воспитания в монархиях допускают волокитство, если оно ведет к победе, вот почему в монархиях нравы никогда не бывают так чисты, как в республиканских государствах. Эти принципы допускают хитрость, если она сочетается с представлением о «великом уме» или о «великих делах», и допускают самые коварные уловки в политике. Они запрещают лезть лишь в том случае, когда она не связана с представлением о большой выгоде. В монархическом государстве требуют правды от речей человека, но не из любви к самой правде, а только потому, что человек, привыкший говорить правду, кажется смелым и свободным. Здесь довольствуются не правдой, а видимостью правды.

Вот почему в монархиях презирают прямоту народа, основанную лишь на простодушии и настоящей правдивости.

«Наконец, воспитание в монархиях требует известной учтивости в обращении. Люди созданы для совместной жизни, и потому они должны нравиться друг другу. Человек, который стал бы оскорблять своих ближних несоблюдением правил приличия, уронил бы себя в общественном мнении до такой степени, что лишил бы себя всякой возможности быть

полезным.

Но не из этого чистого источника проистекает обыкновенно учтивость. Ее порождает желание отличиться. Мы учтивы из чванства: нам льстит сознание, что сами приемы нашего обращения доказывают, что мы не принадлежим к низшим слоям общества и никогда не знали с этой породой людей.

В монархиях вежливость сосредоточивается при дворе. Перед необычайным величием одного человека все прочие чувствуют себя одинаково малыми. Отсюда любезная внимательность ко всем; отсюда эта вежливость, равно приятная и тем, которые ее оказывают, и тем, которым она оказывается, ибо она свидетельствует о том, что мы принадлежим ко двору и достойны состоять при нем» (14, стр. 188).

Нетрудно понять, что в этом отрывке речь идет об отрицательном отношении просветителя ко всему образу жизни привилегированного сословия.

Еще более радикально критикует Монтескье воспитание в деспотическом государстве. Правда, он незаконно отделяет монархический строй от деспотического, но его выступления против деспотизма относятся фактически к монархическому режиму вообще. В деспотических государствах воспитание имеет конечной целью унижить человека, приучить его к безоговорочному повиновению. Слепое подчинение, рассуждает Монтескье, предполагает невежество не только в том, кто повинуется, но и в том, кто повелевает.

Ведь повелителю незачем размышлять, сомневаться и обсуждать, ему достаточно приказать. В деспотических государствах каждый дом как бы отдельное государство, одна семья живет изолированно от другой. Поэтому воспитание не преследует социальной цели, не зовет к взаимодействию и взаимопониманию. Вся система воспитания сводится к тому, чтобы вселить в сердца страх, а умам в лучшем случае сообщить некоторые самые простые правила религии. Знание при деспотизме опасно, соревнование губительно, добродетель не нужна; сначала из человека делают дурного подданного, чтобы потом получить хорошего раба. Все это чрезвычайно суживает задачи воспитания и фактически сводит их к нулю. Монтескье особенно возмущен тем, что при деспотическом режиме людей не стремятся превратить в сознательных граждан, пекущихся о благе отечества. Он приходит к выводу, что гражданственность и деспотизм несовместимы.

Исключительный интерес представляют высказывания Монтескье о воспитании в республиканском государстве. Ни одно правление, ни один общественный строй, замечает просветитель, не нуждается в такой степени в помощи воспитания, как республика. Деспотическое государство ориентируется на угрозы и наказания, монархии находят себе опору в человеческих страстях. Республика держится на политической добродетели своих граждан, на их самоотверженности, на их преданности общему делу. Определяя политическую добродетель как любовь к законам и к своему отечеству, французский просветитель отмечает, что эта любовь требует постоянного предпочтения общественного блага личному. Этой любви может научить только тщательно продуманная система воспитания. В республиканском государстве воспитывают школа, семья и политические установления. В этой связи Монтескье критикует систему воспитания в монархической Франции. У нас, заявляет он, воспитывают и учителя, и родители, но, кроме того, воспитанием занимается светское общество, а «свет» для того и существует, чтобы уничтожать моральные навыки, приобретаемые в школе и семье. Монтескье мечтает о том времени, когда школа будет воспитывать людей высокой морали и никакие внешние влияния не смогут помешать торжеству добродетели над пороком.

Само собой понятно, что этические идеалы французского просветителя не выходят за пределы буржуазной морали, хотя, как неоднократно отмечал Ленин, ни Монтескье, ни его сторонники отнюдь не руководствовались своекорыстными мотивами и намерениями. Ведь в те времена буржуазия, а в особенности революционная французская буржуазия, отождествляла свои классовые интересы с интересами всего бесправного сословия. Не случайно современные буржуазные идеологи решительно открещиваются от взглядов Монтескье на мораль и воспитание.

Глава четвертая ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МОНТЕСКЬЕ

1. Знаток искусства, мастер художественной прозы

Монтескье — замечательный знаток искусства; именно ему поручили статью по эстетике в «Энциклопедии» Дидро — Даламбера, в которой участвовали самые выдающиеся представители французской мысли.

Монтескье изучил искусство, в первую очередь архитектуру, скульптуру и живопись, во время своих путешествий. Он знал произведения художественной литературы всех времен и народов. Немногие могли сравниться с Монтескье в знании философии искусства. Он написал меньше по эстетике, чем Вольтер, Руссо или Дидро, однако его суждения о вкусе, об отдельных видах и жанрах искусства, о познавательной роли искусства, значении искусства в общей системе воспитания ничуть не уступают по меткости и глубине лучшим творениям просветителей XVIII в. Вот почему вызывает недоумение отсутствие даже упоминания имени Монтескье в таких основательных трудах по истории эстетики, как книга К. Гилберт и Г. Куна (см. 38), вышедшая в Лондоне и завоевавшая благодаря своей оснащенности фактами широкую популярность.

Заслуга Монтескье как теоретика искусства прежде всего в том, что он подходил к искусству не с заранее намеченными формальными установками и принципами, а конкретно-исторически. Так, трактуя о прекрасном, французский просветитель обращался к творчеству Паоло Веронезе, к произведениям Рафаэля и Корреджо; целый ряд своих эстетических обобщений он основывал на творчестве Микеланджело; к определению категории возвышенного мыслитель пришел при изучении в Риме архитектуры собора святого Петра, пропорции его купола и стен.

А как хорошо знал Монтескье Гомера и Вергилия, Корнелия и Расина, Лафонтена и современных ему авторов комедий! В трудах Платона и Аристотеля, Гоббса и других философов-материалистов Монтескье отыскивал рациональные суждения о происхождении искусства и путях его развития. Он один из немногих правильно понял знаменитого французского историка и эстетика Жан-Батиста Дюбо, автора «Критических размышлений о поэзии и живописи» (1719 г.) (см. 31). Монтескье ценил в Дюбо критика Платона, человечность, интерес к простым людям.

Но Монтескье не только теоретик искусства, он вместе с тем сам большой писатель. Как мастера художественной прозы его можно сравнить с такими корифеями его времени, как Вольтер, Руссо и Дидро. «Персидские письма» Монтескье, как уже было сказано, отличаются высокими художественными достоинствами; по образности, искрящейся веселости, изящному остроумию, тонкой иронии они приближаются к такому шедевру мировой литературы, как «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле³, «Персидские письма» глубоко поучительны, но без дидактизма. Апеллируя в них к здравому смыслу и в то же время не увлекаясь резонерством, автор действует на человеческие эмоции. Французский мыслитель не просто порицает аристократический Париж, он негодует, возмущается; он не довольствуется тем, что называет Париж самым чувственным городом, городом утонченных удовольствий, но тут же констатирует, что для «удовольствий» одних голодают другие.

Написанные аристократом, «Персидские письма» предназначены не для аристократии.

³ О «Персидских письмах» как памятнике мировой литературы см. *Lanson G. Histoire de la litterature francaise*. P., 1952; *Vian L. Histoire de Montesquieu, sa vie et ses oeuvres*. P., 1878, а также вступительную статью С. Д. Артамонова к изданию «Персидских писем» (1956 г.).

Они демократичны и с точки зрения содержания, и по стилю, в них много от народной поэзии, от фавль, от средневековых фарсов, исполняемых на площадях; во всяком случае простолюдин скорее мог понять их, чем произведения демократа Руссо.

Большими художественными достоинствами отличаются и научные исторические, и теоретические труды Монтескье. В его «Размышлениях о причинах величия и падения римлян» политические деятели Сулла, Помпей, Цезарь, Август, Тиберий и другие представлены ярко и убедительно, их характеристики дышат иронией; о Цезаре, например, французский просветитель как бы нечаянно замечает: «...этот необыкновенный человек обладал такими великими достоинствами, не имея ни одного недостатка, при многих пороках...» (14, стр. 94). Характеризуя Октавия, Монтескье неожиданно сообщает, что любовь солдат он возбудил своей... природной трусостью.

Труд Монтескье «О духе законов» богат бытовыми картинками из жизни разных народов. Свои логические доводы он иллюстрирует многочисленными фактами, взятыми из личных наблюдений. Чего стоит, например, опубликованное в этом произведении «Почтительнейшее заявление инквизиторам Испании и Португалии», полученное якобы в письме от анонимного автора!

Монтескье был не только ученым, но и художником. В этом корень популярности его литературного наследства.

2. Борьба за реалистическую эстетику

Особой заслугой Монтескье в эстетике является стремление подойти к искусству с позиций, близких материалистической теории познания, хотя последовательным сторонником ее он не был. Монтескье полагал, что искусство в конечном результате есть следствие взаимодействия человека и природы, существующей независимо от человека; человек же, являясь частью природы, зависим от нее.

Монтескье был решительным противником объективно-идеалистической эстетики Платона, теории искусства Августина Блаженного и Фомы Аквинского. Он полагал, что искусство не может быть связано с потусторонним миром, с миром платоновских идей или христианского бога. Не удовлетворяла Монтескье и эстетика рационализма, связанная с именами Декарта и Буало. Французский просветитель верил в силу разума и в этом смысле не мог оспаривать классицизм, но он подчеркивал, что человек не только мыслит, но и чувствует, что разум невозможен без чувств и что «бесчувственного» искусства принципиально не существует. Поэтому в вопросах эстетики Монтескье был ближе к англичанам Бэкону и Локку, нежели к французскому Декарту. Не вследствие «врожденных» идей и не по велению бога, а в силу своей организации человек восхищается красками, звуками и т. д. В этом смысле Монтескье готов вслед за Леонардо да Винчи возносить хвалу человеческому глазу. Вот почему в трактате «Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства» Монтескье заявляет: «Будь наше зрение более слабым и туманным, потребовалось бы меньшее количество орнаментов и большее единообразие в составных частях архитектурного целого. Наоборот, если бы наше зрение было острее, а сознание способно воспринять сразу больше предметов, то в произведениях архитектуры потребовалось бы увеличить количество орнаментов. А если бы наш слух был похож на слух некоторых животных, пришлось бы изменить многие музыкальные инструменты. Я прекрасно знаю, что соотношение между предметами сохранилось бы; однако, в силу того что изменилось бы соотношение между предметами и нами, те из них, которые при данных обстоятельствах производят на нас известное впечатление, перестали бы его производить. И так как совершенство в искусстве заключается в том, чтобы представить вещи в форме, наиболее способной доставить нам удовольствие, пришлось бы внести изменение в различные виды искусств, поскольку изменился бы способ, посредством которого можно было бы получить максимум удовольствия» (14, стр. 739).

Таким образом, мыслитель связывал возможность художественного творчества с

наличием у человека органов чувств, дающих ему представление о действительных процессах. Сам процесс творчества превращался в разновидность познания вещей и явлений. Я пейзажист, ибо воспроизвожу с помощью кисти картины природы. Не будь леса, художник не сумел бы рассказать о лесе на своем полотне. Чем лучше воспринят лес, тем удачнее он воспроизведен. Натюрморт возможен только потому, что имеются определенные вещи. Через познание этих вещей осуществляется их изображение. Без реальной физиономии человека не существует портретной живописи. Портрет человека — это его копия. Чем лучше освоен подлинник, тем выразительнее его копия. «Душа создана для того, чтобы мыслить, т. е. чтобы наблюдать, мыслящее же существо должно быть любознательным» (14, стр. 740).

Итак, мышление — это наблюдение, это умение на основе опыта делать выводы и умозаключения. Монтескье поэтому считал, что человек, лишенный наблюдательности, игнорирующий природу, жизнь, не может стать подлинным художником. Вместе с тем художник не эмпирик, регистрирующий происходящее. В искусстве эмпирическое органически сочетается с рациональным. Описательство вне рациональной обработки чувственных данных в состоянии породить лишь натуралистическую пародию на действительность. Ярким обличением натурализма звучат слова французского просветителя: «Мысль называется обычно глубокой, когда за высказанным она раскрывает много невысказанного и сразу позволяет понять вещи, для усвоения которых потребовалось бы прочесть множество книг» (14, стр. 741).

Познавая природу, беря в ней главное и существенное, художник *подражает* природе. Свою теорию подражания Монтескье распространяет на все виды и жанры искусства.

«Греческая архитектура, — пишет он, — состоящая из немногих, но крупных элементов, подражает великим творениям природы, вот почему мы ощущаем известное величие, которое господствует здесь во всем.

Так, живописцы располагают большими пятнами свет и тень на картинах, а изображаемых ими людей делят на группы по три-четыре человека; в этом они подражают природе: многолюдная толпа всегда дробится на части» (14, стр. 743).

В этих рассуждениях французского просветителя и сила его, и слабость. Сила — в явном повороте к реалистической эстетике, в попытке установить единство искусства и природы, доказать, что источником искусства является природа. Слабость Монтескье, как и других представителей эстетики XVIII в., — в недооценке социальной природы художественного творчества. Монтескье смотрит на художника больше глазами антрополога, нежели социолога. В этом отношении Дидро стоял на более правильной позиции.

«До сих пор в комедии рисовались главным образом характеры, — писал Дидро, — а общественное положение было лишь аксессуаром; нужно, чтобы на первый план выдвинуто было общественное положение, а характер стал аксессуаром» (22, стр. 160).

Еще глубже ставили вопрос Лессинг и в особенности Чернышевский. Достаточно вспомнить знаменитое рассуждение великого русского революционного демократа о том, сколь различно понимали девичью красоту аристократы и крестьяне, т. е. о наличии различных эстетических суждений у различных общественных классов.

Монтескье представлял более ранний этап в развитии реалистической концепции искусства. Однако и у него есть, пусть еще робкие, попытки социального подхода к эстетическим категориям. В выступлениях французского просветителя против деспотического режима постоянно сквозит мысль, что расцвет искусства, так же как и его упадок, определяется в конечном счете социально-политическими условиями. Ведь художник не Робинзон, живущий на необитаемом острове, а *общественное* существо, поэтому он не может уйти от своих общественных симпатий и антипатий. К этой истине Монтескье пришел и на основе своего личного опыта: его «Персидские письма» были не просто художественным произведением, а произведением с боевой, политической

направленностью.

Значительную роль играет в эстетике Монтеस्कье положение о том, что художественное творчество подчинено определенным закономерностям. В «Опыте о вкусе в произведениях природы и искусства» Монтеस्कье без обиняков заявляет, что красота произведения искусства является отражением красоты природы. Человек любит симметрию, но он любит и контрасты. Не следует абсолютизировать ни то ни другое. Отсюда правило: изображать и единство и разнообразие, согласованность частей и предметов и контрасты между ними. Это правило вытекает из действительности, которая знает и гармонию и дисгармонию. В «Опыте» Монтеस्कье имеется особый раздел «О контрастах», где показано, что «контрасты», противоречия присущи самой природе, которая мстит художнику, игнорирующему эту объективную закономерность.

Сама природа требует от живописца и скульптора симметрии в изображаемых фигурах и вынуждает их строить на контрастах положения этих фигур. «Одна нога, поставленная так же, как и другая, одна часть тела, расположенная одинаково с другой, невыносимы» (14, стр. 744). Такая симметрия почти всегда приводит к однообразию поз, как это наблюдается в готическом искусстве, где все фигуры похожи одна на другую. Произведения искусства в силу этого лишаются всякого разнообразия. Ведь «природа не создала нас в каком-нибудь одном положении и, наделив нас жизнью, не измерила наших движений и действий, словно мы китайские болванчики; и если церемонные, неестественные люди невыносимы, то что же сказать о подобных произведениях искусства?»

Итак, положения фигур следует строить на контрастах, особенно же в произведениях скульптуры, так как этот вид искусства, холодный по своему характеру, может выразить страсть лишь посредством контрастов и поз» (14, стр. 745).

Иногда случалось, что разнообразие, которое стремились достигнуть путем контрастов, превращалось в симметрию и удручающее однообразие. Это наблюдалось не только в отдельных произведениях скульптуры и живописи, но и в стиле некоторых писателей, которые каждую фразу строили на контрасте начала и конца, прибегая к вечным антитезам. Таковы, например, приемы Августина и других авторов, писавших на испорченном латинском языке. Всегда одинаковые и вечно однообразные обороты речи чрезвычайно неприятны. Постоянные контрасты переходят в симметрию. Иногда достаточно прочесть одну часть фразы, чтобы угадать другую.

«Многие живописцы впадают в ошибку, строя без разбора на контрастах все сюжеты своих картин. Таким образом, при взгляде на какую-нибудь фигуру сразу же угадываешь положение соседней. Это постоянное разнообразие превращается в какое-то повторение подобных друг другу фигур. К тому же природа, которая нагромождает вещи в беспорядке, не прибегает к аффектации постоянного контраста и не все тела приводит в движение, а тем более в движение вынужденное. Она слишком разнообразна для этого: одни она оставляет в состоянии покоя, другим придает различные виды движения» (14, стр. 745).

Подлинное произведение искусства, пишет Монтеस्कье, возбуждает в человеке чувство радости, отличается эмоциональной насыщенностью. Вместе с тем, не ограничиваясь чувствами, оно апеллирует к разуму. Произведения, противоречащие разуму, эстетически неполноценны. Ярко выраженная глупость мастера, иронически замечает просветитель, мешает нам любоваться его творчеством. Для того чтобы питать доверие к мастеру, нужно убедиться, что он не грешит против здравого смысла, не нарушает логики, не сообщает о заведомо невозможных фактах и событиях. Отсюда в духе подлинного реализма Монтеस्कье требует от художника правдивости в изображении целого и деталей. Герои любого произведения должны и говорить и действовать соответственно своей среде, своему характеру, должны быть последовательными даже в своей непоследовательности. Я не испытал ни малейшего удовольствия в Пизе, сообщает просветитель, глядя на изображение реки Арно, катящей свои волны среди небес. В Генуе мне также не доставил никакой радости вид святых, терпящих мучения... на небе. Эти произведения настолько вульгарны, неправдоподобны, что на них неприятно смотреть. Когда во втором действии «Фиесты»

Сенеки, продолжает Монтескье, слышишь, как старцы из Аргоса говорят, словно римские граждане — современники Сенеки, то подобное невежество в серьезном произведении вызывает смех. Представьте себе, если бы на подмостках лондонского театра вдруг появился Марий и стал говорить, что при благосклонности палаты общин он не боится палаты лордов. В Италии Монтескье не мог выносить комический вид Катона или Цезаря, поющих арии на современной сцене. Взяв из древней истории сюжеты своих опер, итальянцы проявили слишком мало художественного вкуса.

Монтескье рассматривает проблему вкуса как одну из решающих проблем эстетики. Он различает два вида вкуса: естественный и благоприобретенный. Естественный вкус — это не теоретические знания, а быстрое и верное применение правильных суждений о произведениях искусства. Естественный вкус не требует овладения определенными правилами, но и он в конечном счете подчиняется правилам эстетического восприятия. Приобретенный вкус направляет, изменяет, увеличивает и уменьшает естественный вкус. Приобретенный вкус неразрывен с воспитанием человека.

Эстетическое воспитание Монтескье связывает с воспитанием моральным. Безнравственное искусство, учил просветитель, не есть искусство вообще. Монтескье видел силу Микеланджело прежде всего в отождествлении прекрасного с благородным, с достойным, заслуживающим подражания. В этом также огромная заслуга ученика Рафаэля — Джулио Романо.

Микеланджело, читаем мы в «Опыте о вкусе в произведениях природы и искусства», с подлинным мастерством умел придать благородство всем своим сюжетам. Его знаменитый Вакх резко отличается от изображения Вакха на картинах фламандских художников, которые показывают спотыкающуюся, почти падающую фигуру, что недостойно божества. Микеланджело изображает Вакха благородным и возвышенным.

в «Страстях господних» — полотне, которое находится во флорентийской картинной галерее, — он изображает богородицу смотрящей на своего распятого сына без боли, без сожаления, без сострадания, без слез. «Художник предполагает, что ей известна великая тайна, и поэтому заставляет ее с величавым спокойствием отнестись к зрелищу этой смерти.

У Микеланджело нет произведения, лишённого благородства; он велик даже в своих набросках, как и Вергилий в своих неоконченных стихах.

В Мантуе, в Зале гигантов, расписанном Джулио Романо, изображены Юпитер, испепеляющий молнией гигантов, и пораженные испугом остальные боги. Но Юнона находится возле Юпитера и уверенным жестом указывает на одного из гигантов, которого следует поразить. Это придает ей величие, отсутствующее у других богов» (14, стр. 755).

Эстетические взгляды Монтескье представляют огромную ценность своими реалистическими тенденциями, стремлением автора видеть в искусстве не самоцель, а средство воздействия на лучшие качества человеческой природы. Монтескье боролся против понимания художественного творчества как результата произвольной деятельности художника. Он искал закономерности не только в природе и обществе, но и в художественной деятельности. Эстетика Монтескье помогает нам в борьбе против современных модернистов, против сторонников избитого реакционного лозунга «искусство для искусства».

Глава пятая МОНТЕСКЬЕ И РОССИЯ

1. Взгляд на русскую историю

Многие представители французской общественной мысли XVIII столетия, в особенности просветители, с большим интересом относились к России, русскому народу, его истории и культуре. Достаточно назвать имена Вольтера и Дидро. Среди исторических

трудов Вольтера одно из видных мест занимает «История царствования императора Петра Великого» (см. 35–36). Значительный интерес представляет его поэма «Русский в Париже» (см. 37). В монографии К. Н. Державина, посвященной Вольтеру (см. 21), приведен интересный список русских знакомств этого просветителя; в нем фигурируют только те деятели России, с которыми Вольтер или встречался, или находился в систематической переписке. Здесь и Антиох Кантемир, и Сумароков, и великий Ломоносов, и такие политические деятели, как канцлер граф М. И. Воронцов, князь Д. А. Голицын, И. И. Шувалов, граф К. Г. Разумовский и многие другие.

Мы уже не говорим о взаимоотношении Вольтера с императрицей Екатериной, в которой он видел потенциального врага Ватикана и принципиального противника французского абсолютизма. Подобно Вольтеру Дидро и другие просветители надеялись найти в русской императрице просвещенную государыню, которая произведет необходимые реформы «сверху», без революции «снизу»; последней опасались даже самые радикальные буржуазные философы XVIII столетия.

Таким образом, интерес Монтескье к России не является исключением.

В отличие от французских реакционеров, третировавших все русское, Монтескье пристально изучал русскую историю, экономическую политику царского правительства и высказывал глубоко оптимистические суждения о будущем русского народа.

В «Персидских письмах» Монтескье повествует о России от имени мнимого персидского посланника, проживающего в Московии. Политический строй царской России не пользовался симпатиями французского просветителя. Он характеризует русского государя как неограниченного властителя над жизнью и имуществом своих подданных. Даже персидский владыка, писал он, «наместник пророков, царь царей, кому небо служит балдахин, а земля — подножием, не так страшен, когда пользуется своей властью» (13, стр. 107).

Вместе с тем Монтескье не переносит своей антипатии к царскому режиму на русский народ. В книге «О духе законов» Монтескье высоко ценит патриотизм русского народа, доказанный в войне со шведами, выносливость русских солдат, их настойчивость, твердость духа при поражении, их умение в конечном счете добиваться победы.

В главе, посвященной шведскому королю Карлу XII, Монтескье пишет:

«Этот государь, опиравшийся только на свои собственные силы, погубил себя потому, что строил замыслы, требовавшие для своего выполнения долгой войны, которая была не по силам его государству.

Он задумал сокрушить не государство в период упадка, а империю в период ее зарождения. Для московитов война с ним явилась хорошей школой. После каждого поражения они приближались к победе и, терпя внешний урон, научились внутренней обороне.

Блуждая по пустыням Польши, которые как бы стали частью Швеции, он считал себя повелителем мира, между тем как его главный враг укреплялся против него, теснил его, утверждался на берегах Балтийского моря и частью разрушал, частью завоевывал Ливонию.

Швеция походила на реку, течению которой дали другое направление, поставив плотину у ее истока.

Не Полтава погубила Карла, он все равно погиб бы если не в этом, так в другом месте. Случайности фортуны можно легко исправить, но нельзя отразить события, постоянно порождаемые природой вещей.

Однако главным врагом его была не столько природа или фортуна, сколько он сам.

В своей деятельности он не считался с существующим положением вещей...» (14, стр. 282–283).

Придавая огромное значение климатическим условиям, Монтескье рассматривал холодный русский климат и обширные территории страны в числе главных причин возникновения царского самодержавия. Однако он признавал, что географическая среда не препятствует русским вести политическую борьбу со своими монархами.

Особенный интерес представляет заявление Монтескье о глубоком противоречии между деспотическим режимом в царской России и интересами прогрессивного развития русской экономики. Россия, заявляет он, прежде всего нуждается в торговле, а торговля, для того чтобы сделаться прочной, требует денежных операций. Однако эти операции наталкиваются на деспотические законы, воспрепятствующие денежным отношениям с иностранными государствами. Русский народ состоит из крепостных, фактически являющихся рабами, и из духовных или дворянских лиц, являющихся политическими рабами своего государя. России не хватает прежде всего третьего сословия, которое должно состоять из ремесленников и купцов.

Таким образом, в осторожной форме Монтескье говорил о необходимости изменения экономического и политического строя в России, отмены крепостничества, уничтожения несправедливых законов и поощрения деятельности третьего сословия. Его социально-политическая программа для России в ряде решающих вопросов совпадает с его программой политических реформ во Франции.

Остановившись на важнейших событиях из русской истории, Монтескье особое внимание уделил деятельности Петра I, петровским реформам. Он видел в Петре I выдающегося политического деятеля и отмечал, что его смелые мероприятия наталкивались на сопротивление реакционных сил.

«Московиты, — заявляет Монтескье, — совсем не могут выезжать из своего государства, хотя бы даже для путешествия. Таким образом, будучи отделены от других наций законами своей страны, они сохранили свои древние обычаи с тем большей к ним привязанностью, что они и не думают, что можно иметь другие. Но царствующий ныне государь захотел все переменить. У него вышли большие неприятности с ними по поводу их бород, а духовенство и монахи немало боролись, отстаивая свое невежество.

Он стремится к тому, чтобы искусства процветали, и ничем не пренебрегает, чтобы прославить в Европе и Азии свой народ, до сих пор всеми забываемый и известный только у себя на родине. Беспокойный и стремительный, он скитается по своим обширным владениям, всюду проявляя свою природную суровость.

Он покидает свою страну, как будто она тесна для него, и отправляется в Европу искать новых областей и новых царств» (13, стр. 109).

В книге «О духе законов» Монтескье комментирует некоторые законы, изданные Петром I, и одобряет главным образом те из них, которые, по мнению французского просветителя, могут в той или иной степени облегчить положение крепостных крестьян. Петр I, пишет он, сделал весьма благоразумное распоряжение, которое до сих пор действует в России: дворянин собирает установленные подати с крестьян и уплачивает их царю. В случае если число крестьян уменьшается, он платит по-прежнему. Если число крестьян увеличивается, дворянин все равно не платит больше прежнего. Таким образом, заключает Монтескье, у крепостников возникает экономический интерес не притеснять своих крестьян.

Но Монтескье не только одобряет деятельность Петра. Он, как мы уже отмечали, критикует его за чрезмерное проявление деспотизма, за то, что он в ряде случаев игнорировал народные обычаи и традиции. Ссылаясь на книгу Перри «Состояние России при нынешнем царе» (Лондон, 1716 г.), он критикует Петра за указ, по которому подданные его могут подавать жалобы царю лишь после того, как они предварительно подадут не менее двух жалоб его чиновникам; если же третья жалоба, поданная царю, окажется несправедливой, то податель подвергается смертной казни. С тех пор, говорит Монтескье, никто не решался подавать жалоб русскому царю.

В книге девятнадцатой «О духе законов» французский просветитель упрекает Петра I за недооценку своего народа, за презрительное отношение к своим подданным, достойным лучшей участи и большего уважения.

«Закон, обязывавший московитов брить бороду и укорачивать платье, и насилие Петра I, приказывавшего обрезать до колен длинные одежды каждого, кто входил в город, были порождением тирании. Есть средства бороться с преступлениями — это наказания; есть

средства для изменения обычаев — это примеры.

Легкость и быстрота, с которыми этот народ приобщился к цивилизации, неопровержимо доказали, что его государь был о нем слишком дурного мнения и что его народы вовсе не были скотами, как он отзывался о них. Насильственные средства, которые он употреблял, были бесполезны: он мог бы достигнуть своей цели и кротостью.

Он и сам видел, как легко совершались эти перемены. Женщины были затворницами и в известном смысле рабынями. Он призвал их ко двору, велел им одеться по немецкой моде, он сам посылал им материи на платье, и женщины тотчас же полюбили новый образ жизни, столь благоприятствовавший развитию их вкуса, тщеславия и страстей, и заставили полюбить его и мужчин.

Преобразования облегчались тем обстоятельством, что существовавшие нравы не соответствовали климату страны и были занесены в нее смешением разных народов и завоеваниями. Петр I сообщил европейские нравы и обычаи европейскому народу с такой легкостью, которой он и сам не ожидал» (14, стр. 416–417).

В почтительной форме осуждая русского царя за нежелание установить более тесный контакт с простыми людьми, Монтескье одновременно стремится доказать, что возможна демократическая монархия, опирающаяся на все классы и социальные группы, в том числе из крестьян, ремесленников и купцов.

В отношении Монтескье к России с особой силой сказалось благородное стремление французского мыслителя к союзу народов под знаком равенства, свободы и просвещения.

2. Монтескье и русское общество

Уже в дореволюционной России Монтескье приобрел большую популярность. Однако развиваемые им идеи вызвали противоречивые отклики среди различных слоев русского общества. Представители господствующей дворянской идеологии, включая и императрицу Екатерину II, пытались использовать непоследовательность Монтескье, его монархические идеи в интересах дальнейшего укрепления крепостнического государства. Передовые деятели русского народа, начиная с Радищева и кончая великими революционными демократами, подняли на щит передовые, просветительские идеи Монтескье, его смелую борьбу против абсолютизма, его критику церковно-схоластического мировоззрения. Вокруг литературного наследия Монтескье развернулась борьба. В результате этой борьбы попытка реакции извратить подлинный смысл прогрессивной деятельности выдающегося французского просветителя потерпела крах. Монтескье предстал перед русскими читателями как талантливый обличитель феодально-крепостнического строя, как глубокий мыслитель и выдающийся ученый, открывший новую страницу в истории социологической мысли.

В работе «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин отметил идейную связь между французскими и русскими просветителями, показав это на примере Скалдина, выпустившего в 1867–1869 гг. публицистические очерки под заглавием «В захолустье и в столице».

По характеру воззрений Скалдина можно назвать буржуа-просветителем, писал Ленин. Подобно просветителям Западной Европы Скалдин был одушевлен враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической областях. Другая характерная черта просветителя — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы. Он отстаивал, наконец, интересы народных масс, главным образом крестьянства, искренне верил в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние.

Итак, Скалдин — буржуа, «...но необходимо оговориться, — замечает В. И. Ленин, — что у нас зачастую крайне неправильно, узко, антиисторично понимают это слово, связывая с ним (без различия исторических эпох) своекорыстную защиту интересов меньшинства. Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от

40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного» (6. стр. 520).

Горячая вера Монтескье в общее благоденствие, его искренняя и благородная ненависть к феодальному абсолютизму с неизбежностью сделали Монтескье любимцем антикрепостнических русских писателей и публицистов, всех тех, кто мечтал о благоденствии народа и ненавидел дворянско-аристократическую верхушку.

Русские переводы главнейших сочинений Монтескье увидели свет в России еще в XVIII и начале XIX в. Так, работа «Размышления о причинах величия и падения римлян» была переведена на русский язык в 1769 г. «Персидские письма» впервые изданы в России в 1789 г., т. е. в год начала французской буржуазной революции. Главное сочинение Монтескье «О духе законов» вышло в России в 1809–1814 гг.

Екатерина II, стремившаяся прослыть просвещенной государыней, во всеуслышание объявила себя поклонницей Монтескье. Изданный Екатериной II в 1767 г. «Наказ» для членов комиссии по составлению нового уложения Русского государства прямо использует в интересах деспотической формы правления географизм Монтескье: «Никакая другая власть на таком пространстве не может действовать и была бы не только вредна, но прямо разорительна для граждан». В демагогических целях Екатерина излагает в своем «Наказе» и положительные просветительские идеи Монтескье о поддержке промышленности и торговли, о веротерпимости и просвещении.

Разумеется, Екатерина отнюдь не помышляла о претворении в жизнь передовых идей Монтескье, лицемерно включенных в «Наказ». Мало того, она предложила сенату издать специальный указ от 24 сентября 1767 г., воспрепятствовавший чтению «Наказа» даже царским чиновникам и ограничивавший его распространение 57 экземплярами.

В работе Герцена «Русский народ и социализм», написанной в 1851 г., содержится исключительно меткая характеристика отношения Екатерины II к Монтескье и другим просветителям. «До 1789 года, — писал Герцен, — императорский трон самодовольно драпировался в величественные складки просвещения и философии. Екатерина II заслуживала, чтобы ее обманывали картонными деревнями и дворцами из раскрашенных досок... Никто, как она, не умел ослеплять зрителей величественной обстановкой. В Эрмитаже только и слышно было, что о Вольтере, о Монтескье, о Беккарии. Вам известен, м[илостивый] г[осударь], оборот медали» (19, стр. 455).

Герцен разоблачил лицемерие Екатерины II в ее отношении к Монтескье: нельзя одновременно быть сторонницей Монтескье и преследовать Радищева и других передовых сынов русского народа.

С искренним интересом относился к Монтескье один из сторонников Екатерины II, историк и социолог И. Н. Болтин, положительно оценивавший стремление Монтескье найти в развитии общества объективные закономерности. Несколько умереннее и осторожнее поддерживал Болтин рационализм Монтескье и других французских просветителей, их отрицательное отношение к схоластическому мракобесию.

По-другому подошел к Монтескье Радищев, сразу увидевший в французском просветителе борца против ненавистного самодержавия. В своем замечательном революционном труде «Путешествие из Петербурга в Москву» он ссылается на Монтескье.

Подлинное признание получил Монтескье также и у Пушкина. В неоконченной статье о Викторе Гюго Пушкин рассматривает Монтескье наряду с Монтенем, Вольтером и Руссо как луч шего писателя Франции, как славнейшего представителя ее народа. Пушкин основательно изучал работы Монтескье, особенно он ценил «Персидские письма» и «О духе законов». В работе «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» Пушкин рассматривает Монтескье как национальную гордость Франции (см.

28, стр. 69).

Значение Монтескье как борца против абсолютизма и выдающегося социолога хорошо понимали декабристы. Его труд «О духе законов» Пестель изучал наряду с сочинениями Руссо, Гольбаха и Гельвеция.

Огромное прогрессивное значение Монтескье отмечали революционные демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и Д. И. Писарев. В «Письмах об изучении природы» Герцен характеризует «Персидские письма» Монтескье как исключительно смелую книгу и сравнивает ее с таким выдающимся произведением французского материализма, как «Система природы» Гольбаха. «Что за огромное здание воздвигнула философия XVIII века...» — писал Герцен в своем «Дневнике», имея в виду Вольтера, Руссо и Монтескье (18, стр. 208).

Революционные демократы подходили к Монтескье критически. Они справедливо выступали против непоследовательности в его взглядах, проповедующего примиренческого отношения к монархическому режиму. В работе «Генрих Гейне» Писарев остро критикует веру Монтескье и других французских просветителей во всемогущество законодателей. «Передовые мыслители XVIII века, — писал он, — были глубоко убеждены в том, что хорошее правительство может в самое короткое время поставить любой народ на высшую ступеньку цивилизации и блаженства. Мудрый законодатель и золотой век — это, по их мнению, два понятия, неразрывно связанные между собой как причина и следствие. Задача человечества представлялась в самом простом и элементарном виде: обезоружь тиранов, посади мудрецов в государственный совет и потом блаженствуй. Если ты хочешь упрочить свое блаженство на вечные времена, то наблюдай только за тем, чтобы мудрецы не глупели и не лукавили. Чуть заметил недосмотр или фальшь, сейчас отставляй мудреца от должности, замещай его новым благодетелем и будь уверен, что блаженству твоему не представится конца. Те люди, которые веруют в конституцию как в универсальное лекарство, рассуждают именно таким образом, потому что всевозможные конституционные гарантии и уравнивания клонятся исключительно к тому, чтобы урегулировать смещение мудрецов, пришедших в негодность, и выбор новых мудрецов, долженствующих занять их место» (26, стр. 602–603).

Писарев, как и другие революционные демократы, противопоставляет вере в «конституционные гарантии» и буржуазные реформы глубокое убеждение, что только революционная борьба народных масс сможет нанести действительно сокрушительный удар по старому порядку.

С иных позиций подошел к Монтескье правый гегельянец Б. Чичерин. В своей «Истории политических учений» он уделил Монтескье обширный раздел, в котором представил французского мыслителя как столпа индивидуализма и классического буржуазного либерала. Однако при всех пороках концепции Чичерина он правильно подметил ценность взглядов Монтескье на общественный прогресс и охарактеризовал Монтескье как борца против деспотизма, как противника несправедливых, захватнических войн и сторонника миролюбивых взаимоотношений между государствами. Зато он очень плоско характеризовал понимание французским просветителем свободы. Чичерин в скрытой форме выступает против тех русских мыслителей, которые, опираясь на взгляды Монтескье, ведут борьбу против царского режима. Здесь в первую очередь имеются в виду русские революционные демократы.

В 1900 г. вышел новый перевод работы Монтескье «О духе законов». Большую вступительную статью к этому переводу дал русский социолог М. М. Ковалевский. С точки зрения общей оценки взглядов Монтескье исследование Ковалевского представляет собой шаг назад по сравнению с той оценкой, которую дали французскому просветителю революционные демократы. Ковалевский, написавший на первом этапе своей деятельности ряд ценных работ и получивший за это положительную оценку Маркса, в дальнейшем превратился в дюжинного либерала, которого В. И. Ленин характеризовал как врага революционного пролетариата. В предисловии к новому изданию работы «О духе законов»

Ковалевский выхолащивает из социологических идей Монтескье все, что могло быть использовано для революционной борьбы против русского царизма. Однако с фактической точки зрения труд Ковалевского представляет большой интерес. В частности, в нем приведен ряд фактов, свидетельствующих о влиянии Монтескье на Вольтера, Гельвеция и Дидро. Значительный интерес представляет также утверждение Ковалевского о влиянии Монтескье на различных политических деятелей буржуазной французской революции.

В целом в оценке социологии Монтескье объективная истина была полностью на стороне революционных демократов. Классическую, до конца научную характеристику Монтескье дал марксизм-ленинизм.

* * *

Француз до мозга костей, Монтескье получил воистину международное признание. Его высоко ценили и ценят прогрессивные деятели всех стран и народов. В идейном отношении Монтескье обрел в России как бы вторую родину. Его читали и изучали все выдающиеся общественные деятели, начиная с Антиоха Кантемира и Н. И. Новикова. Глубокий анализ трудов Монтескье содержится в исследованиях советских ученых М. А. Дынника, Х. Н. Момджяна, С. Д. Артамонова, В. И. Чучмарева, А. И. Рубина, А. И. Кавзарина и др. Библиографией произведений Монтескье занимается А. П. Примаковский.

В 1955 г. были опубликованы Избранные произведения Монтескье под редакцией и с вступительной статьей автора настоящей книги (в ней частично использованы материалы из этой статьи).

По постановлению Всемирного Совета Мира двухсотлетняя годовщина со дня смерти Монтескье была широко отмечена в 1955 г. мировой общественностью.

Приложение Ш. Монтескье «О духе законов» (извлечения)

Печатается по изданию: *Ш. Монтескье. Избранные произведения. М., 1955*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы среди бесконечного разнообразия предметов, о которых говорится в этой книге, и оказалось что-нибудь такое, что против моего ожидания может кого-либо обидеть, то не найдется в ней по крайней мере ничего сказанного со злым умыслом. Мой ум не имеет от природы склонности к порицанию. Платон благодарил небо за то, что родился во времена Сократа, я же благословляю небо за то, что оно судило мне родиться при правительстве, под властью которого я живу, и повелело мне повиноваться тем, к которым внушило любовь.

Я прошу одной милости, хотя и боюсь, что мне в ней откажут: не сулить но минутному чтению о двадцатилетнем труде; одобрять или осуждать всю мою книгу целиком, а не отдельные ее фразы. Когда хотят узнать цели и намерения автора, то где же всего ближе искать их, как не в целях и намерениях его произведения.

Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии.

Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие и всякий частный закон связан с другим законом или зависит от другого, более общего закона.

Обратившись к древности, я постарался усвоить дух ее, чтобы случаи, существенно различные, не принимать за сходные и не просмотреть различий между теми, которые кажутся сходными.

Принципы свои я вывел не из своих предрассудков, а из самой природы вещей.

Немало истин окажутся здесь очевидными лишь после того, как обнаружится цепь, связующая их с другими истинами. Чем больше будут размышлять над подробностями, тем более будут убеждаться в верности общих начал. Самые эти подробности приведены мной не все, ибо кто может сказать все и не показаться при этом смертельно скучным?

Здесь не найдут тех крайностей, которые как будто составляют характерную особенность современных сочинений. При известной широте взгляда все крайности исчезают; проявляются же они обыкновенно лишь вследствие того, что ум писателя, сосредоточившись всецело на одной стороне предмета, оставляет без внимания все прочие.

Я пишу не с целью порицать установления какой бы то ни было страны. Каждый народ найдет в моей книге объяснение существующих у него порядков, и она, естественно, приведет к заключению, что предлагать в них какие-нибудь изменения этих порядков имеют право только те лица, которые получили от рождения счастливый дар проникать одним взглядом гения всю организацию государства.

Нельзя относиться безразлично к делу просвещения народа. Предрассудки, присущие органам управления, были первоначально предрассудками народа. Во времена невежества люди не ведают сомнений, даже когда творят величайшее зло, а в эпоху просвещения они трепещут даже при совершении величайшего блага. Они чувствуют старое зло, видят средства к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее от этого исправления. Они сохраняют дурное из боязни худшего и довольствуются существующим благом, если сомневаются в возможности лучшего; они рассматривают части только для того, чтобы познать целое, и исследуют все причины, чтобы уразуметь все последствия.

Если бы я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности, своего государя, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом ими посту, я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Если бы я мог сделать так, чтобы у тех, которые повелевают, увеличился запас сведений относительно того, что они должны предписывать, а те, которые повинуются, нашли новое удовольствие в повиновении, я счел бы себя счастливейшим из смертных.

Я счел бы себя счастливейшим из смертных, если бы мог излечить людей от свойственных им предрассудков. Предрассудками я называю не то, что мешает нам познавать те или иные вещи, а то, что мешает нам познать самих себя.

Стремясь просветить людей, мы всего более можем прилагать к делу ту общую добродетель, в которой заключается любовь к человечеству. Человек — это существо столь гибкое и в общественном быту своем столь восприимчивое к мнениям и впечатлениям других людей — одинаково способен и понять свою собственную природу, когда ему показывают ее, и утратить даже всякое представление о ней, когда ее скрывают от него.

Я много раз начинал и оставлял этот труд, тысячу раз бросал я на ветер уже исписанные мной листы и каждый день чувствовал, что мои руки опускаются от бессилия. Исследуя свой предмет без всякого предварительного плана, я не знал ни правил, ни исключений, и если находил истину, то для того только, чтобы тут же утратить ее; но когда я открыл мои общие начала, то все, чего я искал, предстало предо мной, и на протяжении двадцати лет я видел, как труд мой возник, рос, развивался и завершился.

Если этому труду суждено иметь успех, я буду в значительной степени обязан этим величию моего предмета. Не думаю, однако, чтобы тут не было никакой заслуги и с моей стороны. Когда я прочел все, что было написано прежде меня столь многими великими людьми во Франции, в Англии и Германии, я был поражен восхищением, но не пал духом. «И я тоже художник!» — воскликнул я вместе с Корреджио.

ЗАЯВЛЕНИЕ АВТОРА

Для понимания первых четырех книг этого труда следует заметить, что 1) под словом

республиканская *добродетель* я разумею любовь к отечеству, т. е. любовь к равенству. Это не христианская или нравственная, а *политическая* добродетель; она представляет ту главную пружину, которая приводит в движение республиканское правительство подобно тому, что честь является движущей пружиной монархии. На этом основании я и назвал любовь к отечеству и к равенству политической добродетелью: новые идеи, к которым я пришел, обязывали меня приискать для них и новые названия или употреблять старые слова в новом смысле. Лица, не понявшие этого, приписали мне много таких нелепых мнений, которые показались бы возмутительными во всех странах мира, так как во всех странах мира дорожат нравственностью. 2) Следует обратить внимание на то, что между утверждением, что известное свойство, душевное расположение или добродетель не являются главными двигателями такого-то правительства, и утверждением, что они в этом правительстве совсем отсутствуют, есть большое различие. Если я скажу, что такое-то колесо или шестерня не относятся к орудиям, приводящим в движение механизм часов, то можно ли из этого заключить, что их совсем не имеется в этих часах? Столько же оснований для заключения, что христианские и нравственные добродетели и даже сама политическая добродетель отсутствуют в монархии. Одним словом, честь существует и в республике, хотя движущее начало республики — политическая добродетель, а политическая добродетель существует и в монархии, несмотря на то что движущее начало монархии — честь.

Говоря в V главе третьей книги моего сочинения о добродетельном человеке, я имел в виду не человека, обладающего христианскими или нравственными добродетелями, а человека, стремящегося к политическому благу, т. е. обладающего той политической добродетелью, о которой была речь. Это человек, который любит законы своей страны и любовью к ним руководствуется в своей деятельности. Все это я уточнил в настоящем издании путем еще более четкого определения своих идей; в большинстве случаев, где было употреблено мной слово *добродетель*, я заменил его выражением *политическая добродетель*.

Книга первая **О ЗАКОНАХ ВООБЩЕ**

Глава I

О ЗАКОНАХ В ИХ ОТНОШЕНИЯХ К РАЗЛИЧНЫМ СУЩЕСТВАМ

Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы: они есть и у божества, и у мира материального, и у существ сверхчеловеческого разума, и у животных, и у человека.

Те, которые говорят, что все *видимые нами в мире явления произведены слепой судьбой*, утверждают великую нелепость, так как что может быть нелепее слепой судьбы, создавшей разумные существа?

Итак, есть первоначальный разум; законы же — это отношения, существующие между ним и различными существами, и взаимные отношения этих различных существ.

Бог относится к миру как создатель и хранитель; он творит по тем же законам, по которым охраняет; он действует по этим законам, потому что знает их; он знает их, потому что создал их; и он создал их, потому что они соответствуют его мудрости и могуществу.

Непрерывное существование мира, образованного движением материи и лишеного разума, приводит к заключению, что все его движения совершаются по неизменным законам, и, какой бы иной мир мы себе ни вообразили вместо существующего, он все равно должен был бы или подчиняться неизменным правилам, или разрушиться.

Таким образом, дело творения, кажущееся актом произвола, предполагает ряд правил, столь же неизбежных, как рок атеистов. Было бы нелепо думать, что творец мог бы управлять миром и помимо этих правил, так как без них не было бы и самого мира.

Эти правила — неизменно установленные отношения. Так, все движения и

взаимодействия двух движущихся тел воспринимаются, возрастают, замедляются и прекращаются согласно отношениям между массами и скоростями этих тел; в каждом различии есть *единообразие*, и в каждом изменении — *постоянство*.

Единичные разумные существа могут сами для себя создавать законы, но у них есть также и такие законы, которые не ими созданы. Прежде чем стать действительными, разумные существа были возможны, следовательно, возможны были отношения между ними, возможны поэтому и законы. Законам, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, — значит утверждать, что до того, как был начерчен круг, его радиусы не были равны между собой.

Итак, надо признать, что отношения справедливости предшествуют установившему их положительному закону. Так, например, если существует общество людей, то справедливо, чтобы люди подчинялись законам этого общества; если разумные существа благодетельствованы другим существом, они должны питать к нему благодарность; если разумное существо сотворено другим разумным существом, то оно должно оставаться в той же зависимости, в какой оно находилось с первого момента своего существования; если разумное существо причинило зло другому разумному существу, то оно заслуживает, чтобы ему воздали таким же злом, и т. д.

Но мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам. Причина этого в том, что отдельные разумные существа по своей природе ограничены и потому способны заблуждаться и что, с другой стороны, им свойственно по самой их природе действовать по собственным побуждениям. Поэтому они не соблюдают неизменно своих первоначальных законов, и даже тем законам, которые они создают сами для себя, они подчиняются не всегда.

Не известно, находятся ли животные под управлением общих или каких-нибудь особенных законов движения. Как бы то ни было, они не связаны с богом более близкими отношениями, чем остальной материальный мир; способность же чувствовать служит им лишь для их отношений друг к другу, другим существам к самим себе.

В свойственном им влечении к наслаждению каждое из них находит средство для охраны своего отдельного бытия, и это же влечение служит им для сохранения рода. Они имеют естественные законы, потому что соединены способностью чувствовать, и не имеют законов положительных, потому что не соединены способностью познавать. Но они не следуют неизменно и своим естественным законам; растения, у которых мы не замечаем ни чувства, ни сознания, лучше их следуют последним.

Животные лишены тех высоких преимуществ, которыми мы обладаем, но зато у них есть такие, которых нет у нас. У них нет наших надежд, но нет и наших страхов; они подобно нам умирают, но не сознают этого; большая часть их даже охраняет себя лучше, чем мы себя, и не так злоупотребляет своими страстями, как мы.

Как существо физическое, человек подобно всем другим телам управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил. Он должен руководить собой, и, однако, он существо ограниченное; как всякое смертное разумное существо, он становится жертвой неведения и заблуждения и нередко утрачивает и те слабые познания, которые ему уже удалось приобрести, а как существо чувствующее, он находится во власти тысячи страстей. Такое существо способно ежеминутно забывать своего создателя, и бог напоминает ему о себе в заветах религии; такое существо способно ежеминутно забывать самого себя, и философы направляют его законами морали; созданный для жизни в обществе, он способен забывать своих ближних, и законодатели призывают его к исполнению своих обязанностей посредством политических и гражданских законов.

Глава II

О ЗАКОНАХ ПРИРОДЫ

Всем этим законам предшествуют законы природы, названные так потому, что они вытекают единственно из устройства нашего существа. Чтобы основательно познакомиться с ними, надо рассмотреть человека во время, предшествовавшее образованию общества. Законы, по которым он жил в том состоянии, и будут законами природы.

Тот закон, который, запечатлев в нас идею творца, влечет нас к нему, в ряду естественных законов занимает первое место по своей важности, но не по порядку законов во времени. Человек в природном состоянии обладает не столько познаниями, сколько способностью познания. Ясно, что первые идеи его не будут носить умозрительного характера: прежде чем размышлять о начале своего бытия, он думает о его охрании. Такой человек вначале чувствует лишь свою слабость. Он будет крайне боязлив; если бы для подтверждения этого потребовались примеры, то они уже найдены в лесах, обитаемых дикарями: все заставляет их трепетать, все обращает в бегство.

В таком состоянии каждый чувствует себя низшим по отношению к другим людям и лишь с трудом доходит до чувства равенства с ними. Стремление нападать друг на друга чуждо таким людям; следовательно, мир является первым естественным законом человека.

Гоббс не прав, когда приписывает первобытным людям желание властвовать друг над другом. Идея власти и господства настолько сложна и зависит от такого множества других идей, что она не может быть первой во времени идеей человека.

Если война не есть естественное состояние людей, то почему же, спрашивает Гоббс, люди всегда ходят вооруженными и запирают на ключ свои жилища? Однако не следует приписывать людям, жившим до образования общества, такие стремления, которые могут возникнуть у них только после образования общества, вместе с которым у них появляются поводы для нападения и защиты.

С чувством своей слабости человек соединяет ощущение своих нужд. Поэтому второй естественный закон человека — стремление добывать себе пищу.

Я сказал, что страх побуждает людей бежать друг от друга, но, как только они увидят, что страх их является взаимным, у них появится желание подойти друг к другу. Кроме того, их влечет к сближению и чувство удовольствия, испытываемое каждым животным при встрече с животным той же породы, причем то очарование, которое связано с различием двух полов, еще более увеличит это удовольствие. Таким образом, просьба, обращенная одним человеком к другому, составляет третий естественный закон человека.

Первоначально человек обладает способностью чувствовать; в дальнейшем он доходит до приобретения познаний. Таким образом, людей связывает вторая нить, которой нет у животных; отсюда возникает новый повод к сближению. Желание жить в обществе — четвертый естественный закон человека.

Глава III

О ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЗАКОНАХ

Как только люди соединяются в обществе, они утрачивают сознание своей слабости, существовавшее между ними равенство исчезает и начинается война. Каждое отдельное общество начинает сознавать свою силу — отсюда состояние войны между народами. Отдельные лица в каждом обществе начинают ощущать свою силу и пытаются обратить в свою пользу главные выгоды этого общества — отсюда война между отдельными лицами.

Появление этих двух видов войны побуждает установить законы между людьми. Как жители планеты, размеры которой делают необходимым существование на ней многих различных народов, люди имеют законы, определяющие отношения между этими народами, — это *международное право*. Как существа, живущие в обществе, существование которого нуждается в охране, они имеют законы, определяющие отношения между правителями и управляемыми, — это *право политическое*. Есть у них еще законы, коими определяются отношения всех граждан между собой, — это *право гражданское*.

Международное право, естественно, основывается на том принципе, согласно которому

различные народы должны во время мира делать друг другу как можно более добра, а во время войны причинять, насколько возможно, менее зла, не нарушая при этом своих истинных интересов.

Цель войны — победа; цель победы — завоевание; цель завоевания — сохранение. Из этого и предшествующего принципов должны проистекать все законы, образующие международное право.

Международное право имеется у всех народов, оно есть даже у ирокезов, поедающих своих пленников: они отправляют и принимают послов, у них существуют определенные правила ведения войны и поведения в период мира; плохо только, что это международное право основано не на истинных принципах.

Кроме международного права, относящегося ко всем обществам, есть еще политическое право для каждого из них в отдельности. Общество не может существовать без правительства. «Соединение всех отдельных сил, — как прекрасно говорит Гравина, — образует то, что называется *политическим состоянием* (государством)».

Эта соединенная сила может быть отдана в руки или одному лицу, или нескольким лицам. Основываясь на том, что отеческая власть установлена самой природой, некоторые полагают, что правление одного — самое естественное из всех. Но пример отеческой власти ничего не доказывает, ибо если власть отца и представляет некоторое соответствие с правлением одного, то власть братьев по смерти отца или по смерти братьев власть двоюродных братьев соответствует правлению нескольких лиц. Политическая власть необходимо предполагает союз нескольких семейств.

Вернее будет сказать, что правительство наиболее сообразно с природой в том случае, если его особенные свойства больше всего соответствуют характеру народа, для которого оно установлено.

Силы отдельных людей не могут объединиться, пока не пришли к единству их воли; это последнее единство и есть то, что, опять-таки по прекрасному выражению Гравина, называется *гражданским состоянием*.

Закон, говоря вообще, есть человеческий разум, поскольку он управляет всеми народами земли, а политические и гражданские законы каждого народа должны быть не более как частными случаями приложения этого разума.

Эти законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа.

Необходимо, чтобы законы соответствовали природе и принципам установленного или устанавливаемого правительства, имеют ли они целью устройство его, что составляет задачу политических законов, или только поддержание его существования, что составляет задачу гражданских законов.

Они должны соответствовать физическим свойствам страны: ее климату — холодному, жаркому или умеренному; качествам почвы, ее положению, размерам; образу жизни ее народов — земледельцев, охотников или пастухов; степени свободы, допускаемой устройством государства; религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям; наконец, они связаны между собой и обусловлены обстоятельствами своего возникновения, целями законодателя, порядком вещей, на котором они утверждаются. Их нужно рассмотреть со всех этих точек зрения.

Это именно я и предполагаю сделать в настоящей книге. В ней будут исследованы все эти отношения; совокупность их образует то, что называется *Духом законов*.

В этом исследовании я не отделяю *политических* законов от *гражданских*, так как, занимаясь исследованием не законов, а Духа законов, который заключается в различных отношениях законов к различным предметам, я должен был сообразоваться не столько с естественным порядком законов, сколько с естественным порядком этих отношений и предметов.

Я начну с рассмотрения тех отношений, в которых законы состоят к природе и

принципу каждого правительства, уделяя особое внимание изучению этого принципа, ввиду того что он оказывает решающее влияние на законы. И если мне удастся установить этот принцип, я покажу, что законы вытекают из него как из своего источника. Затем я перейду к рассмотрению других, по-видимому более частных, отношений.

Книга двадцать вторая **О ЗАКОНАХ В ИХ ОТНОШЕНИИ К УПОТРЕБЛЕНИЮ ДЕНЕГ**

Глава I **СМЫСЛ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДЕНЕГ**

Народы, имеющие мало товаров для торговли, как, например, дикие народы, или же народы просвещенные, но располагающие всего двумя-тремя видами таких товаров, ведут меновую торговлю. Так, караваны мавров, отправляющиеся к Тимбукту, вовнутрь Африки, для обмена соли на золото, не нуждаются в монете: мавр ссыпает свою соль в одну кучу, негр свой золотой песок — в другую; если золота недостаточно, мавр убавляет соли или негр прибавляет золота, пока обе стороны не останутся довольны.

Но когда народ ведет торговлю весьма разнородными товарами, появляется необходимость в деньгах, потому что удобный для перемещения металл служит средством к сокращению многих расходов, которые были бы неизбежны, если бы во всех случаях прибегали к обмену.

Все народы нуждаются в предметах, производимых другими народами, причем часто случается, что один из них желает получить много различных товаров от другого, а этот последний нуждается лишь в очень небольшом количестве его произведений; между тем по отношению к третьему народу соотношение оказывается обратным. Но когда народы имеют деньги и ведут торговлю путем купли-продажи, то те из них, которые берут больше товара, оплачивают излишек его деньгами. Разница в том, что при купле торговля совершается соответственно потребностям народа, предъявляющего наибольший спрос, тогда как при мене торговля не идет дальше удовлетворения потребностей народа с наименьшим спросом, иначе этот последний не имел бы возможности произвести уплату по предъявленному к нему счету.

Глава II **О ПРИРОДЕ ДЕНЕГ**

Деньги — это знак, выражающий ценность всех товаров. Чтобы этот знак был прочным, мало изнашивался в обращении и мог, не разрушаясь, делиться на большое количество частей, для него берут какой-нибудь металл, выбирая при этом металл ценный ввиду больших удобств его перемещения. Металл вообще весьма пригоден для того, чтобы служить общей мерой, потому что его легко можно привести к одной определенной пробе. Всякое государство ставит свою печать на деньгах, чтобы внешний вид соответствовал пробе и весу и чтобы то и другое можно было узнать с первого взгляда.

Когда афиняне еще не знали употребления металлов, они пользовались вместо денег быками, а римляне — овцами; но один бык не тождествен с другим, тогда как кусок металла может быть вполне тождествен с другим таким же куском металла.

Подобно тому как деньги служат знаком ценности товаров, бумага служит знаком ценности денег, и если этот знак доброкачествен, то он так хорошо представляет их, что вполне может их заменять.

Подобно тому как деньги служат знаком предметов и представляют их, всякий предмет есть знак денег и представляет их. Государство процветает постольку, поскольку, с одной стороны, деньги действительно представляют в нем все предметы, а с другой — всякий предмет представляет собой деньги и они взаимно служат друг другу знаками, т. е. тот, кто имеет одно, может получить и другое соответственно их относительной ценности. Это возможно только при умеренном образе правления, но и при нем не всегда: например, если законы покровительствуют недобросовестному должнику, то принадлежащие ему вещи не

представляют собой денег и не служат их знаками. При деспотическом правлении было бы чудом, если бы вещи представляли собой знаки; тирания и недоверие в таких странах доводят до того, что люди зарывают свои деньги в землю. Следовательно, вещи здесь не представляют денег.

Иногда законодатели искусственными мерами достигали того, что вещи не только по природе своей представляли деньги, но и становились таким же средством обмена, как и самые деньги. Цезарь, будучи диктатором, разрешил должникам расплачиваться с заимодавцами земельными участками по цене, которую эти земли имели до междоусобной войны. Тиберий постановил, что желающие могут получать деньги от казны под залог земель на том условии, чтобы стоимость закладываемых земель вдвое превышала выдаваемую сумму. При Цезаре земля стала монетой, которой уплачивались все долги. При Тиберии 10 тысяч сестерций землей сделались такой же общей монетой, как и 5 тысяч сестерций деньгами.

Английская «Великая хартия» запрещает налагать арест на земли и доходы должника в тех случаях, когда его движимое имущество или личный заработок достаточны для покрытия долга и он передает их в распоряжение заимодавца. Таким образом, все имущество англичанина представляло собой деньги.

Законы германцев определяли в деньгах меру удовлетворения за причиненные обиды и наказания за совершенные преступления. Но так как деньги в стране были очень редки, то закон заменил их соответствующим количеством съестных припасов и домашнего скота. Мы находим такого рода определения в законе саксов с известными видоизменениями сообразно степени благосостояния и требованиям удобства у отдельных народов. Прежде всего закон определяет ценность солида, выраженную в домашнем скоте: солид 2 тремис соответствовал 12-месячному быку или овце с ягненком, солид 3 тремис—16-месячному быку. У этих народов деньги становились домашним скотом, товаром или съестными припасами и все эти предметы становились деньгами.

Деньги составляют не только знак вещей, но и знак самих денег, т. е. деньги могут представлять деньги, как мы увидим в главе об обмене.

Глава III

ОБ ИДЕАЛЬНОЙ МОНЕТЕ

Есть монета реальная и монета идеальная. Почти все цивилизованные народы употребляют идеальную монету и пришли к этому в результате превращения своей реальной монеты в идеальную. Сначала их реальная монета представляла собой какой-либо металл определенного веса и определенной пробы, но скоро недобросовестность или нужда побуждают к уменьшению веса каждой отдельной монеты при сохранении ее прежнего названия. Например, от монеты весом в 1 фунт серебра отнимают половину этого количества и продолжают называть ее ливром, т. е. фунтом; монету, заключающую в себе двадцатую часть фунта серебра, продолжают называть су, хотя она уже более не содержит в себе двадцатой части фунта. И вот ливр становится идеальным ливром, а су — идеальным су. То же происходит и с прочими монетами; в конце концов ливром начинают называть то, что в действительности составляет лишь ничтожную часть ливра, и это делает его еще более идеальным. Может даже случиться, что совершенно перестанут чеканить монету, равную одному ливру, т. е. фунту металла, и монету, равную одному су. Тогда ливр и су станут монетой чисто идеальной. Каждой монете станут произвольно давать наименование стольких-то ливров и стольких-то су. При этом возможны бесконечные изменения, потому что как легко дать предмету новое название, так трудно изменить его сущность. Для уничтожения самого источника злоупотреблений был бы весьма полезен такой закон, который в целях процветания торговли в стране предписал бы употребление одной только реальной монеты и воспретил бы все операции, которые могут сделать ее идеальной.

Ничто не должно быть столь неизменным, как то, что предназначено служить всему мерой.

Торговле всегда присуще определенное непостоянство, добавлять к этому основанному

на природе вещей непостоянству еще новое есть великое зло.

Книга двадцать четвертая
**ОБ ОТНОШЕНИИ ЗАКОНОВ К УСТАНОВЛЕННОЙ В СТРАНЕ РЕЛИГИИ,
РАССМАТРИВАЕМОЙ В ЕЕ ОБРЯДАХ И ЕЕ СУЩНОСТИ**

Глава I
О РЕЛИГИЯХ ВООБЩЕ

Подобно тому как между различными степенями мрака мы можем распознать мрак наименее густой и между различными безднами — бездны наименее глубокие, мы можем и между ложными религиями искать такие, которые наиболее соответствуют целям общественного блага, такие, которые хотя и не ведут человека к загробному блаженству, но тем не менее могут немало способствовать его земному счастью.

Итак, я буду рассматривать различные существующие на свете религии исключительно в их отношении к тому благу, которое они доставляют гражданскому быту, независимо от того, кроются ли корни их на небе или в земле.

Выступая в этом сочинении не в качестве богослова, а в качестве политического писателя, я могу высказать в нем положения, вполне справедливые только с точки зрения человеческого мышления, так как они вовсе не были рассмотрены по отношению к высшим истинам.

Что касается истинной религии, то потребуются немного беспристрастия, чтобы убедиться в том, что я никогда не искал предпочтения политических интересов ее интересам, но стремился к сочетанию тех и других; а прежде чем сочетать их, необходимо их познать.

Христианская религия, повелевающая людям любить друг друга, желает, конечно, чтобы всякий народ имел наилучшие политические и гражданские законы, потому что после нее они составляют величайшее благо, какое только человек может дать и получить.

Глава XI
О СОЗЕРЦАНИИ

Так как назначение людей состоит в том, чтобы сохранять себя, питать, одевать и принимать участие в общественной деятельности, то религия не должна слишком поощрять их к созерцательной жизни.

Магометане приобретают склонность к созерцанию путем привычки: 5 раз в день становятся они на молитву, причем от них требуется, чтобы они каждый раз оставляли, так сказать, за порогом все помышления о земном, и это воспитывает в них дух умозрения. К этому следует еще добавить равнодушие ко всему окружающему, которое дает им вера в неизменность судьбы.

Если к этому добавляются еще и другие причины, способствующие их отчуждению от жизни, если, например, суровое правление и законы о земельной собственности поддерживают в них сознание непрочности земного благополучия, тогда уже все погибло.

Религия гебров сделала когда-то персидское государство цветущим и исправила в нем вредные следствия деспотизма; в наши же дни магометанская религия губит его.

Указатель имен

Август 106, 115
Августин Блаженный 29, 38, 47, 54, 61, 116, 122
Ансельм Кентерберийский 48
Аппион 93
Аристотель 28, 29, 75, 114, 139
Аркадий 101
Артамонов С. Д. 115, 140
Аттал 93

Барнав А. 6
Бейль П. 31
Беккариа Ч. 136
Белинский В. Г. 137
Бенедикт XII 19
Беркли Д. 8
Боден Ж. 30
Болтин И. Н. 136
Буало Н. 117
Бушардон Э. 16
Бэкон Ф. 24, 48, 117
Бюффон Ж. Л. Л. 15
Валентиниан 101
Валентинуа де 30 В
атто А. 15
Вергилий 114, 125
Веронезе П. 114
Вобан С. ле П. 10, 11
Вольтер Ф. 16, 23, 32—36, 41, 44, 52, 112, 114, 126, 127, 136, 137, 140
Воронцов М. И. 126
Ганнибал 96
Гегель Г. В. Ф. 14
Гельвеций К. 6, 16, 17, 31, 43, 52, 70, 137, 140
Герцен А. И. 135–137
Гизо Ф. П. Г. 58
Гилберт К. 112
Гоббс Т. 24, 30, 42, 62, 91, 114
Голицын Д. А. 126
Гольбах П. 6, 16, 17, 43, 52, 137
Гомер 53, 114
Гонорий 101
Грез Ж. Б. 15
Григорий Турский 53
Гроций Г. 62
Гюго В. 136
Даламбер Ж. Л. 17, 32, 112
Деборин А. М. 100
Декарт Р. 117
Делиль Г. 15
Демокрит 45, 47
Державин К. Н. 126
Дидро Д. 6, 16, 17, 32, 52, 112, 114, 119, 120, 126, 127, 140
Дионисий Галикарнасский 53
Добролюбов Н. А. 137
Дынный М. А. 140
Дюбо Ж. Б. 53, 114
Дюбуа (кардинал) 21
Дюфе Ш. Ф. 15
Екатерина II 126, 133, 135, 136
Кавзарин А. И. 140
Кантемир А. 126, 140
Карл I 58

Карл XII 128
Кассини Дж. Д. (отец) 15
Ковалевский М. М. 139
Кольбер Ж. Б. 10
Кондорсе Ж. А. 6
Корнель П. 114
Корреджо 114
Кун Г 112
Ламетри Ж. 16, 31, 52
Лафонтен Ж. 114
Ленин В. И. 9, 33, 65, 112, 133, 134, 139
Леонардо да Винчи 117
Лесаж А. Р. 16
Лессинг Г. Э. 120
Ливий Тит 53
Лобанов М. Е. 137
Локк Д. 50, 62, 84, 85, 117
Ломоносов М. В. 126
Лукреций 45
Людовик XIV 10, 12
Людовик XV 12
Макиавелли Н. ди Бернардо 30, 105
Марат Ж. П. 6, 16, 87
Марий Гай 141
Маритен Ж. 7
Маркс К. 24, 33, 49, 72–75, 85, 104
Марсель Г. 7
Микеланджело Буонарроти 114, 124
Минье Ф. О. М. 58
Митридат 96
Момджян Х. Н. 31, 140
Монтень М. де 136
Мор Т. 30
Никомед 93
Новиков Н. И. 140
Одижо Б. 3
Октавий 116
Перри Д. 131
Пестель П. И. 137
Петр I 129–132
Пигаль Ж. Б. 16
Писарев Д. И. 137, 138
Платон 28, 29, 44, 47, 48, 114, 116
Плеханов Г. В. 71, 103, 104
Плутарх 29, 53
Полибий 53
Помпей Гней 115
Прево А. Ф. 16
Примаковский А. П. 140
Пушкин А. С. 136, 137
Рабле Ф. 114
Радищев А. Н. 133, 136

Разумовский К. Г. 126
Расин Ж. 114
Рафаэль С. 114, 124
Реомюр Р. А. 15
Рикардо Д. 58
Робеспьер М. М. И. 6
Романо Д. 124, 125
Рубин А. И. 140
Рур А. де 13
Руссо Ж. Ж. 16, 33, 35, 52, 65, 78, 86, 103, 108, 114, 115, 136, 137
Сенека 123
Скалдин Ф. П. 133, 134
Смит А. 58
Сократ 28
Спиноза Б. де 34, 62
Сулла 115
Сумароков А. П. 126
Твисс Р. 34
Тиберий Клавдий Нерон 106, 115
Тьерри О. 58
Тюрго А. Р. Ж. 6
Феодосий 101
Фома Аквинский 35, 45, 48, 77, 116
Цезарь Гай Юлий 115
Цицерон Марк Туллий 29, 53
Чернышевский Н. Г. 120, 137
Чичерин Б. Н. 138, 139
Чучмарев В. И. 140
Шувалов И. И. 126
Энгельс Ф. 6, 13, 14, 33, 104
Эпикур 45

Литература

1. *Маркс К.* Письма из «Deutsch-Französische Jahrbucher». *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 1.
2. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Святое семейство. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2.
3. *Маркс К.* Капитал, т. 1. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23.
4. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20.
5. *Энгельс Ф.* Диалектика природы. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20.
6. *Ленин В. И.* От какого наследства мы отказываемся? Полн. собр. соч., т. 2.
7. *Ленин В. И.* Социализм и религия. Полн. собр. соч., т. 12.
8. *Ленин В. И.* О двух линиях революции. Полн. собр. соч., т. 27.
9. *Ленин В. И.* О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч., т. 45.

* * *

10. *Montesquieu Ch. L.* Lettres persanes. Amsterdam, 1721.
11. *Montesquieu Ch. L.* Considerations sur les causes de la grandeur des Romains, et de leur decadence. Amsterdam, 1734.
12. *Montesquieu Ch. L.* De l'esprit des lois... Geneve, 1748.
13. *Монтескье Ш.* Персидские письма. Изд-во «Academia», 1936.

14. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955.

* * *

15. *Винпер Р.* Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. Спб., 1900.

16. *Винпер Р.* Новая история. М., 1918.

17. *Гельвеций К. А.* Об уме. М., 1938.

18. *Герцен А. Я.* Собрание сочинений в тридцати томах, т. II. М., 1954.

19. *Герцен А. Я.* Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке, т. VI. Пг., 1919.

20. *Деборин А. М.* Социально-политические учения нового времени, т. I. М., 1958.

21. *Державин К. И.* Вольтер. Изд-во АН СССР, 1946.

22. *Дидро Д.* Собрание сочинений, т. V. Изд-во «Academia», 1936.

23. *Марат, Жан-Поль.* Памфлеты. М., 1937.

24. *Момджян Х. Н.* Монтескье. — «Коммунист», № 4, 1955.

25. *Момджян Х. Н.* Философия Гельвеция. М., 1955.

26. *Писарев Д. И.* Избранные философские и общественно-политические статьи. М., 1949.

27. *Плеханов Г. В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Избранные философские произведения в пяти томах, т. I. М., 1956.

28. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, т. 12. Изд-во АН СССР, 1949.

29. *Спиноза Б.* Этика. Избранные произведения в двух томах, т. I. М., 1957.

30. *Чичерин Б.* История политических учений, 2. М., 1872.

31. *Dubos J. B.* Reflexions critiques sur la poesie et sur la peinture, v. 1–3, 7 ed. P., 1770.

32. *Hasard P.* La pensee europeenne au XVIII siecle, de Montesquieu a Lessing, t. 1–3. P., 1946.

33. *Lanson G.* Histoire de la litterature francaise. P., 1952.

34. *Vian L.* Histoire de Montesquieu, sa vie et ses oeuvres. P., 1878.

35. *Voltaire F. M. A.* Oeuvres historiques, v. 1–2. P., 1957.

36. *Voltaire F. M. A.* Oeuvres. Nouvelle edition, Gamier freres, v. 1–62. P., 1877–1882.

37. «Le Russe a Paris. Petit poeme en mois de mai 1760, par M. Ivan Aletof, secretaire de l'ambassade russe».

38. «A History of Esthetics», Revised and Enlarged by *K. E. Gilbert* and *H. Kuhn*, London (*Катарин Гилберт, Гельмут Кун.* История эстетики. М., 1960).

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)